

Всё не напрасно!

Сказочный мир
Василия Ерошенко

КОНСТАНТА

Белгород, 2015

ББК 84(2Рос=Рус)6-234.45

В84

Ерошенко, В. Я.

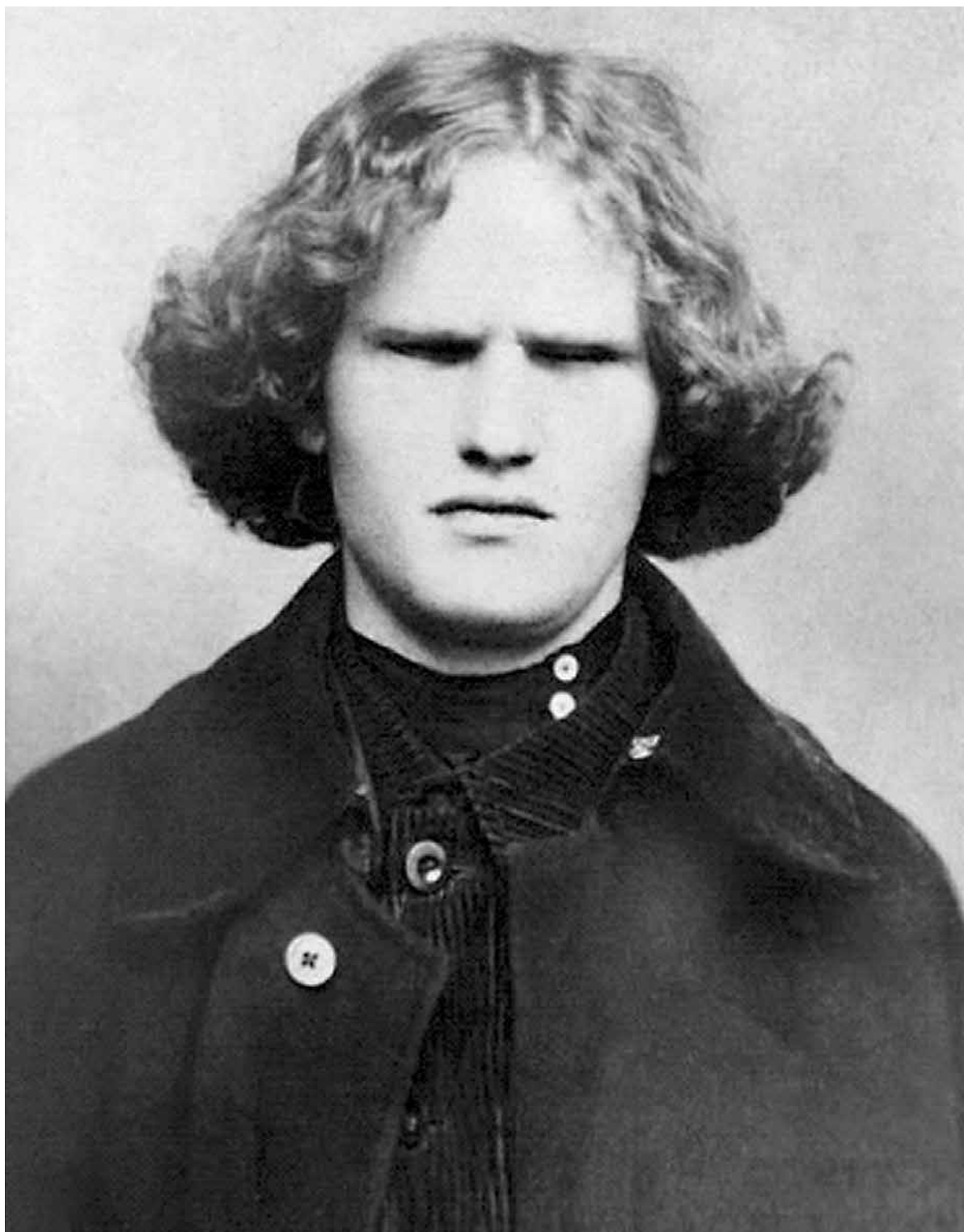
В84 Всё не напрасно! Сказочный мир В. Ерошенко / Сборник. Вступ. статья Б.И. Осыкова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2015. – 70 с.

Книга подготовлена при содействии
департамента внутренней и кадровой политики
Белгородской области,
МКУК «Старооскольский краеведческий музей»
и ГКУК «Белгородская государственная специальная
библиотека для слепых им. В.Я. Ерошенко»

*В оформлении обложки использована иллюстрация
Анастасии Шаматовой «Сердце орла»*

© Ерошенко В.Я., 2015

© Издательство «КОНСТАНТА», 2015

**ВАСИЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
ЕРОШЕНКО**
1890-1952

Борис Осыков,
писатель, журналист, краевед,
заслуженный работник культуры России,
член Союза писателей России, лауреат Всероссийской премии
«Отечество», лауреат премии «Прохоровское поле

СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ, ПУТЕШЕСТВЕННИК И ЯПОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

*Я зажжѐг в моём сердце костѐр,
С ним и в бурю не будет темно
Я в душе моей пламя простѐр
И умру не погаснет оно.*

Василий ЕРОШЕНКО

Его жизнь похожа на удивительную легенду.

Сын крестьянина из глухого села возле Старого Оскола, ослепший в раннем детстве, сумел «пробиться» в Москву, а затем и в Лондон – в Королевский колледж для слепых. Став музыкантом-виртуозом, он объездил чуть ли не полсвета (Польша, Германия, Англия, Франция, Австрия, Финляндия, Япония, Китай, Индия, Бирма, Сиам, Армения, Грузия, Украина, Туркмения, Узбекистан...), овладел двенадцатью языками, в том числе английским, немецким, польским, эсперанто, японским, китайским, туркменским... На японском языке (им наш земляк владел в совершенстве) создал целое собрание сочинений, став одним из известных писателей Страны восходящего солнца.

Все, кому доводилось встречаться с Василием Яковлевичем Ерошенко, отмечают его глубокие познания в различных областях: литературе и языкознании, истории и музыке, медицине и философии. «В истории мировой литературы, – отмечал биограф Ерошенко Роман Белоусов, – известно немало случаев, когда поражѐнный слепотой человек становился признанным литератором. Таков был, скажем, русский слепой поэт Иван Козлов и видный арабский литературовед Таха Хусейн, родившийся в один год с Ерошенко и потерявший зрение, как и он, в возрасте четырёх лет. Но если Таха

Хусейн получил блестящее образование, окончил два университета, то Василию Ерошенко всё далось собственным трудом, упорной работой над собой».

Во многом его выручала необыкновенная память. Иностранные языки он изучал главным образом на слух, часами слушая живую речь или пластинки.

В творческом наследии Ерошенко – сказки, легенды, притчи, рассказы, пьесы, стихи, очерки, статьи. Мир произведений писателя-романтика – мир особый, рождённый его богатой фантазией, лишённый во многом привычных для нас, зрячих, реалистических примет и деталей. Но это мир возвышенных благородных мыслей, мир человека, который целью своего творчества, своей жизни считал борьбу с несправедливостью, неправдой, злом. Книги Ерошенко полны любви к простым людям, проникнуты страстным призывом к добру. Созданные вдали от родины они именно этим, своей человечностью близки нам сегодня как никогда.

С походной котомкой и гитарой путешествовал он по незнакомым городам и странам и звал людей к миру и дружбе. На Международном конгрессе поэтов – эсперантистов при вручении Василию Яковлевичу награды «за творческие достижения» прозвучали справедливые слова о том, что «приз получает не только его поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко. Зал встретил эти слова овацией.

«Да, подвижническая жизнь Ерошенко, – говорил Р.Белоусов, – не может не вызывать восхищения. Она служит своего рода ориентиром мужества, примером, который учит преодолевать невзгоды, не падать духом, учит побеждать недуг, быть стойким в несчастье».

Жизнь и творчество В.Я. Ерошенко

31 декабря 1889 года (12 января 1890 – по новому стилю) в селе Обуховка Старооскольского уезда в крестьянской семье Якова Васильевича и Евдокии Васильевны Ерошенко родился сын Василий.

В январе 1894 года Вася заболел корью. Болезнь дала тяжёлое осложнение.

«Я слепой. Ослеп я четырёх лет от роду. С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. К чему это, к добру или злу, я ещё

не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха...» (Из автобиографических заметок В.Я. Ерошенко).

В 1899 г. Я.В. Ерошенко – через знакомых купцов – удалось устроить сына в школу для слепых детей в Москве. Здесь хлопчик из села Обуховки, быстро овладев грамотой по системе Брайля, нередко читал вслух книжки своим однокашникам. А когда все интересные книги из небогатой школьной библиотеки были перечитаны, Василёк начал сочинять сказки сам. И рассказывал их ничего не подозревающим сверстникам, листая страницы первой попавшейся под руку книги. Первые сочинённые им сказки, разумеется, никто не записывал...

В 1907 году – после окончания школы – Василий приезжает из Москвы в Обуховку. Много времени проводит в лесу, возле реки, на болотце Муховеньке. Совершенствуется в игре на скрипке и гитаре, читает, пробует сочинять сам.

Весной 1908 года Василия Ерошенко приняли по конкурсу в оркестр слепых, организованный в Москве. Новый скрипач быстро завоевал популярность – многие посещали ресторан, в котором он играл, лишь для того, чтобы послушать игру красивого слепого юноши.

Летом 1911 г. хор и оркестр слепых выезжает с гастролями на Кавказ. Осенью возвращается в Москву.

Ерошенко начинает посещать Московский эсперанто-клуб, изучает международный язык эсперанто и английский язык.

«Поистине могу сказать, – признавался Ерошенко, – что лампа Алладина не могла бы помочь мне больше, чем зелёная звёздочка – символ эсперанто. Я уверен: никакой джинн из арабских сказок не мог бы сделать для меня больше, чем сделал для меня гений реальной жизни Заменгоф, творец эсперанто».

В феврале 1912 года слепой музыкант отправился в свою первую заграничную поездку – в Англию. В Варшаве слепого путешественника обещали встретить польские эсперантисты, но на перроне никого не оказалось – видимо, произошло какое-то недоразумение. Самостоятельно он добрался до Берлина.

«... Я решительно зашагал по платформе. Но боже, не сон ли это? Я слышу своё имя, сердечные приветы, радостные восклицания. Мне жмут руку, спрашивают о здоровье, желают знать о всех

подробностях моего пути... Новые друзья спросили меня, что я желаю увидеть в Берлине. Я попросил отвести меня в Институт слепых в Штейглице. И мы отправились... В институте нам оказали радушный приём. Было показано всё самое интересное: мастерские, классы, типография... Все пояснения, которые давал один из заведующих, переводились на эсперанто». В Кёльне, Брюсселе, Кале незрячего юношу из России так же радушно встречали местные эсперантисты.

14 февраля 1912 г. Ерошенко прибыл в Лондон. В Норвуде – небольшом городке вблизи английской столицы – Василий Яковлевич обучался в Королевском институте и в Музыкальной академии слепых. А в далёкой России в журналах «Вокруг света» и «Слепец», в газете «Русское слово» одна за другой публиковались статьи о «чуде Ерошенко».

В конце сентября отплывает из Англии на пароходе в Гамбург.

Снова в Москве, в оркестре слепых.

Год 1914-й. «Слепой московский эсперантист господин Ерошенко, предпринявший в прошлом году поездку в Англию, отправляется теперь в Токио (Япония). Господин Ерошенко путешествует без повода. Он хорошо говорит на эсперанто и собирается воспользоваться услугами Универсальной эсперанто-ассоциации» (информация в московском журнале «Ла ондо де эсперанто»).

С осени 1914 г. Ерошенко – вольнослушатель Токийской школы слепых. Как «студент на особом положении» он получил для занятий отдельную комнату, для него специально пригласили преподавателя массажа, а курс японской литературы читал ему профессор, говоривший по-русски. Из Обуховки в Японию приходят денежные переводы от отца – Я. В. Ерошенко.

В феврале 1915 г. Ерошенко знакомится с драматургом Акитой Удзюку (1883-1962 гг.) – одним из активных участников социалистического движения в Японии.

Лингвистические способности нашего замечательного земляка оказались выдающимися. Японским языком он овладел стремительно и уже в 1915 году создал свои первые литературные произведения. Новелла «Рассказ бумажного фонарика» появилась в январской книжке журнала «Кибо» («Мечта»), «Дождь идёт» – в первом номере журнала «Васэда бунгаку» за 1916 г.

В июне 1915 г. говорит с друзьями о горячем желании отправиться в Америку. Путешествие не состоялось из-за отсутствия необходимых средств.

В июле совершает по приглашению профессора университета Васэда Катагами Нобуру поездку на остров Хоккайдо.

Из писем В. Ерошенко своему товарищу по Токийской школе слепых Тории Токудзиро (1894-1970 гг.):

«Токио. 1.04.1916.

Дорогой друг!... Мой концерт в Мито состоится 9 апреля. Если он будет иметь успех, тогда я с желанием поеду в Киото. А тем временем прошу тебя узнать там, смогут ли они предоставить зал для концерта и сколько это будет стоить...Если удастся устроить там концерт, я желал бы, чтобы скрипач исполнял две музыкальные пьесы под аккомпанемент фортепиано, один дуэт со мной и две русские песни. Музыку для дуэта и двух песен я выслал бы ему отсюда...

Будь счастлив и здоров, приветствуй от меня свою невесту, надеюсь, что она любит так же крепко, как и ранее... Твой Эр».

«Токио, апрель 1916.

...В прошлую неделю очень дивное настроение было у меня, хотелось полетать на аэроплане и я пошёл к знаменитому американцу Смигу и просил его взять и меня на самолёт, но он не пожелал исполнить мою просьбу. Объяснил, что в Японии он не берёт с собой пассажиров...

Наше большое пропагандистское эсперантское собрание состоится 29 этого месяца. Скоро должен прибыть с Филиппинских островов один эсперантист – американец, тогда это собрание, очевидно, будет интересным...

Будь счастлив, ты заслуживаешь счастье, ибо умеешь любить. Уметь любить – это привилегия чистых сердец... Твой В. Е.»

«24.04.1916.

Дорогой друг! Концерт в Мито состоится. Мы ничего не зарабатываем на нём, буду рад хотя бы обойтись без убытков. В газетах меня хвалили. Песня «Хотару киджо» («Цветок-светлячок») имела большой успех. Я исполнил её в женском лице и в учительской школе для девочек. Текст был напечатан в газете и в программе концер-

та... Хочу включить в программу ещё один номер – русский дуэт «Не искушай меня без нужды» композитора Глинки...»

«2.05.1916.

...Вчера, 1 мая, я переселился в новое помещение. Теперь живу в клетке довольно большой, большей, чем мой бывший домик. Отныне должен научиться чувствовать себя свободным и в клетке...

Наши пропагандистские собрания имели большой успех, я тоже выступал... В майском номере напечатана моя статья о женском вопросе...»

«10.06.1916.

Мой дорогой, мой любимый друг! Я должен как можно скорее оставить Японию, но всевозможные преграды задерживают, и, возможно, буду здесь ещё несколько месяцев. Школа не требует от меня платы, могу оставаться там так долго, как я хочу. И в Синдзуку ничего не плачу за жильё, а хозяева даже просят меня всегда жить с ними. Как видишь, теперь я могу учиться и жить без каких-либо хлопот. Немало людей, очевидно, мечтают об этом, только не я.

Не счастья я ищу, не успехов желаю. Ныне, когда всё устроилось так счастливо для меня, я чаще, нежели когда-либо, думаю о побеге, оставляю счастье, пренебрегаю добром, не дорожу успехом в Японии: достигнув успеха, я отказываюсь от него без всякой жалости... Ты не можешь понять этих желаний, но я всегда так думаю. Единственное, что меня огорчает, – это мысль, что меня очень скоро забудут те, которых я так любил, которых я сам никогда не забуду, но я не ропщу на это, – те, кто стремится к успеху, должны забывать... Таков закон природы...»

«21.06.1916.

Дорогой друг! Я отбываю в Сиам в середине июля... Планирую провести в Сиаме лето и за это время попробую изучить тамошние условия. Осенью хочу возвратиться в Японию и ещё какое-то время пожить здесь... Мой концерт хотелось бы устроить сразу после концерта г-на Сугие... И надо устроить всё так, чтобы мы могли заработать немного денег, деньги я передам слепым эсперантистам Японии, себе ничего не возьму...»

3 июля Ерошенко отправляется из Токио поездом в Кобе, оттуда – на пароходе – в Сиам.

Из писем Ерошенко Тории Токудзиро:

«Бангкок, август 1916 г.

... 30 июля я приехал в Бангкок. Меня не встретили ни Тории Такэси, ни знакомый сиамец – и я как призрак бродил по улицам...

Я уже начал свои хлопоты (об основании школы слепых. – Б. О.). Положение слепых в Сиаме совершенно иное, чем в других странах. Говорят, что здесь вообще невозможно что-либо сделать для них. Но я не обращаю внимания на эти разговоры. Однако, если я увижу, что действительно сделать для них ничего нельзя, вернусь в Японию. Прежде всего я думаю создать здесь небольшой кружок (не слепых, но из тех, кто занимается проблемой слепых). Если это удастся, моя цель будет достигнута. Пусть даже этот кружок сразу и не сможет ничего сделать, но, если со временем там появятся люди более умные и энергичные, чем я, они, наверное, чего-нибудь добьются.

Во-вторых, я хочу собрать средства для этого кружка. В третьих, двух-трёх подростков я предполагаю отправить в Японию, либо взять их туда с собой, чтобы они там получили образование. Вернувшись потом в Сиам, они смогут работать среди слепых.

Таковы мои скромные планы. До свидания. Привет всем».

«Бангкок, 29 августа 1916 г.

Дорогой мальчик!

...Не надо грустить и беспокоиться обо мне... Климат в Сиаме очень приятный. Здесь не бывает холода. Тебе, наверно, трудно представить, что это значит. Это – отдых и наслаждение. У меня довольно много друзей, но видеться с ними часто не могу, так как живу от них сравнительно далеко. Ехать к ним нужно трамваем, а это очень дорого... С утра я читаю, занимаюсь, много размышляю. После обеда сплю. Вечером один час занимаюсь сиамским языком, хоть он мне и не нравится, и делаю массаж двум пациентам. С 10 до 12 часов вечера я читаю какую-нибудь лёгкую книгу...

Конечно, не заботься о том, чтобы напечатать мои сказки...»

Из письма Ерошенко профессору Накамура:

«Бангкок, 1916 г.

...Ваше письмо на брайлевском шрифте меня очень поразило. Я никак не думал, что Вы сами мне напишете.

Сиам мне не очень нравится. Но жить в этой стране приятно. Здесь четыре русских ресторана, их хозяева и девушки очень добры ко мне... Каждый вечер ко мне приходят два пациента для массажа. Поэтому у меня не остаётся времени, чтобы встретиться с милыми русскими друзьями... Я не думаю о возвращении в Японию. Долго оставаться в Сиаме у меня тоже нет намерения. Через год я поеду в Индию, а оттуда хочу поехать в Аравию. Если бы только у меня были деньги, можно было бы строить планы, но приходится (прямо как в русской поговорке) «сидеть и ждать у моря погоды».

*... Передайте, пожалуйста, привет моим друзьям-эсперантистам. Я постараюсь что-нибудь написать и для Вашего журнала, но прежде я хочу написать для журнала «Свет шести звёзд» (издание Токийской школы слепых – **Б. О.**) Все мои друзья и знакомые читают этот журнал, а читателям Вашего журнала я пока неизвестен».*

Всё, что В. Ерошенко удаётся заработать – публикациями и концертами – он тратит на помощь слепым Сиаму (Таиланду). В стране возникают легенды о сказочно добром русском, по одной из них – благодарные тайцы воздвигли ему памятник. «Если люди сначала придумали легенду, а потом поверили в неё, то незачем ездить и проверять – стоит памятник Василию Ерошенко в Сиаме или нет. И неважно, что у этого изваяния нет автора и нет самого изваяния, памятник все равно стоит, потому что этого хотят многие люди. И стоять этому памятнику теперь вечно, потому что легенда делается из более прочного материала, чем бронза, гранит или мрамор.

А может быть, и в самом деле какой-нибудь отчаянный скульптор на свой страх и риск из простого камня высек упрямо наклонённую голову философа и широкие плечи путешественника, и стоит сейчас Василий Ерошенко в тени какого-нибудь диковинного дерева на той далёкой сямской земле, и все, кто проходит мимо: школьники и почтальоны, учителя и крестьяне – приносят к его ногам экзотические цветы своей родины» (Эдуард Пашнев).

В январе 1917 г. Ерошенко в Бирме, английской колонии.

Из писем Ерошенко Тории Токудзиро:

«Школа слепых в Моулмейне, 7 марта 1917 г....

Прошло почти два месяца с тех пор, как я поселился в Бирме. Ужасно занят, поэтому забыл обо всём... Бирманцы относятся ко мне с беспредельной любовью. Они просят меня остаться здесь по крайней мере ещё на два года. Все надеются, что школьный комитет предложит мне место старшего преподавателя.

О деле обучения слепых в Бирме пока мало что можно сказать. Они ничего не знают о методике обучения слепых, все находится в первобытном состоянии...»

В. Ерошенко увлечённо собирает и изучает бирманский фольклор. Из письма Тории Токудзиро:

«Моулмейн, 1917 г.

...Сейчас я изучаю воистину прекрасные буддийские легенды. Это неисчерпаемый материал. Передо мной раскрылся совершенно новый, доселе неведомый мне мир. В удивительных символах скрыт загадочный, мистический смысл. Есть множество прежних существований, есть будущие жизни, которые наступят после существующей сейчас. Есть четыре мира внизу и тридцать один наверху... По сравнению с этим христианство, ислам и другие религиозные доктрины выглядят наивными детскими сказками. Даже если бы я прожил здесь всю жизнь, то, наверное, всё равно чувствовал бы себя полным невеждой.

Но, несмотря на это, я постоянно тоскую по итальянской музыке, по шуму большого города. Я хочу ещё когда-нибудь принять участие в политической борьбе в России... Меня окружает нищета. Если бы я смог сэкономить хоть немного денег, я отдал бы их для бедных. Поэтому никак не могу выделить денег, чтобы сфотографироваться...»

Весной в Бирму приходят вести о Февральской революции в России. Местная полиция устанавливает слежку за русскими, живущими в стране, в том числе и за Ерошенко.

Из письма японскому эсперантисту Еси-да:

«22 августа 1917 г.

...От моего отца уже восемь месяцев нет писем. Как мои родные? О них нет никаких известий. Как Вы знаете, мой отец во вре-

мя первой русской революции (1905 г.) был в числе её противников и поэтому был отмечен правительством. Когда началась война, отец стал чиновником. Он любил царя и готов был отдать все силы служению ему. Сейчас, когда свершилась революция, отец, наверно, пострадал. Но, насколько пострадал, я не знаю. Надеюсь, что он жив, но не удивлюсь, если он лишился имущества и посажен в тюрьму. (Я, как революционер, во время ссор с отцом всегда предсказывал ему это). Как бы там ни было, письма из дому уже не приходят. Но я регулярно, раз в две недели отправляю письма. Имя отца – Яков Васильевич Ерошенко. Адрес: Курская губерния, Старооскольский уезд, деревня Обуховка, станция Голофеевка Юго-Восточной ж/д.

В конце октября я собираюсь уехать в Индию. Где я буду жить, пока ещё точно не знаю – в Калькутте или, может быть, в Мадраसे...»

Осенью телеграф приносит известия о революционных событиях в Петрограде. Это заставляет Ерошенко торопиться, он хочет попытаться через Индию вернуться на родину. 16 ноября он – в Калькутте.

Из письма Тории Токудзиро:

«Калькутта, 27 ноября 1917 г.

...Познакомиться с индийцами почти невозможно. Индийские власти запрещают европейцам общаться с местными жителями. Однако я все же ищу такую возможность. Русский консул пригрозил нам, что, наверно, англичане скоро посадят в тюрьму всех русских. Тебе, видимо, хорошо известно о событиях в России. Те, кто хочет создавать свои империи путём подавления малых народов, очевидно, боятся такой же революции, как в России».

Полиция задерживает Ерошенко... как «немецкого шпиона» и сажает под домашний арест. Он вынужден безвыездно жить в гостинице, все письма к нему перехватываются.

Весной 1918 г. в Калькутту прибыл русский пароход «Евгения», направляющийся во Владивосток. Противодействие полиции не позволило Ерошенко использовать эту редкостную возможность вернуться на родину.

Ерошенко возвращается в Бирму.

Из письма Тории Токудзиро:

«...Сразу же после того, как в России произошла революция, в Индии распространился слух, что всех находящихся здесь русских арестуют. Русские друзья предлагали мне вернуться на родину на русском пароходе, но я отказался. Они уехали, но по пути были арестованы. Оказавшись «самым умным дурачком», я скрылся в Бирму и снова стал преподавать в школе для слепых (в марте этого года).

Когда я первый раз жил в Бирме, мне предлагали стать директором школы для слепых, но я отказался. В марте я снова пришёл в эту же школу, преподаватели и ученики встретили меня с прежней любовью, но позиция школьного руководства совершенно изменилась. Они предложили мне место преподавателя, но обучение слепых здесь ведётся по указаниям бирманок, ничего не понимающих в этом деле. Ясно, что здесь имеют место недоразумения, клевета, подозрительность. В конце концов я, несмотря на различные обстоятельства, храбро отказался от места...»

8 сентября 1918 г. Ерошенко покинул Моулмейнскую школу. 10 сентября вернулся в Индию. Снова – Калькутта, та же гостиница.

В октябре предпринимает попытку выехать пароходом в Японию, однако английские чиновники выезд не разрешают. Ерошенко снова под домашним арестом.

Из письма Тории Токудзиро:

«Калькутта, 27 ноября 1918 г.

...рейсы пассажирских судов в Японию фактически прекратились. Никто не может сказать, когда отправится следующий пароход. Я в полной растерянности относительно своих планов после окончания войны, совершенно не знаю, куда мне ехать. Может быть, приехать в Японию... Или отправиться в Швейцарию, а то и во Францию, скорее всего в Париж, увидеть мирную конференцию, влиться в этот всемирный центр? Я хотел бы избрать последнее, но нет денег. Однако я всё же послал просьбу о том, что хочу направиться не в Японию, а во Францию. Власти ещё не дали на это ответа, но думаю, что, скорее всего, мне откажут. Тогда приеду в Японию, поделюсь с тобой своими замыслами, а затем отправлюсь в Россию...

Не пересылай мне никаких писем. Почти на всё налагается арест. Как только я отправляю письмо, за моим корреспондентом сразу же начинают следить, поэтому я махнул рукой на переписку... Ни в коем случае не пиши мне на адрес школы, адресуй только в Русское консульство».

В начале декабря Ерошенко удаётся совершить побег из-под домашнего ареста, покинуть Калькутту и «раствориться в людском океане».

1919 год. Путешествие по Индии. Встречи с ловцами жемчуга на берегу Индийского океана. Школа слепых в Бомбее. Здесь его задержали британские власти и возвратили в Калькутту.

Ерошенко безуспешно требует разрешения вернуться домой, в Россию.

В одном из самых больших кинотеатров Калькутты перед началом сеанса у экрана Ерошенко поёт «Стеньку Разина», затем по-английски «Интернационал» и тут же переводит его текст на бенгали. Полиция арестовывает возмутителя спокойствия.

По распоряжению колониальных властей Ерошенко сажают на английский военный корабль, направляющийся в Японию.

Первая остановка в Сингапуре. На борт корабля поднимается большая группа журналистов, и одному из них удаётся незаметно передать Ерошенко свёрток с одеждой кули, косой и жёлтой краской для кожи. В следующем порту Шанхае слепой поднадзорный, переодевшись и загримировавшись, сумел с другими кули сойти на берег.

Из Китая тайно, на грузовом пароходе, плывёт в Японию.

Из-за постоянной полицейской слежки Ерошенко вынужден покинуть Токио. Поселяется в г. Осака в доме слепого студента Ивахаси Такэо.

Весной 1920 г. университет Васэда пригласил Ерошенко на преподавательскую работу, и тут же последовал запрет полиции. Ерошенко всё же вернулся в Токио и занялся литературной работой. В это время он публикует несколько лучших своих произведений: сказку «Сердце орла», «Бирманскую легенду» и другие.

Осенью Ерошенко позирует известным японским художникам Накамура Цунэ и Цуруто Горо, они создают портреты «удивительного русского». Оба портрета появились на очередной императорской художественной выставке.

В газете «Асахи» под рубрикой «Новые детские сказки» напечатана легенда В.Ерошенко «Грушевое дерево».

1920-1921 гг. Ерошенко принимает деятельное участие в работе литературного общества «Танэмаку хито» («Сеятель»). «Движение сеятелей» организует лекции и доклады о Великой Октябрьской социалистической революции, ведёт решительную борьбу под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», собирает средства для голодающих Поволжья. 28 апреля 1921 г. власти отдали распоряжение о высылке Ерошенко из Японии. 1 мая он вместе с друзьями участвует в демонстрации. 9 мая, в ночь, полиция разогнала II съезд Социалистической лиги Японии. Ерошенко и многие из его товарищей арестованы. Газета «Иомибури симбун» сообщила, что в полицейском участке слепого поэта избили. Охранники раздирали ему веки, якобы для того, чтобы удостовериться в его слепоте. «Пробудился ли стыд в их низких душах, – писала газета, – когда они убедились, что он действительно слеп? Если бы они были людьми, то покончили бы с собой от стыда!»

Квартирной хозяйке разрешили посетить её постояльца, и Ерошенко, пользуясь случаем, продиктовал ей вступление к подготовленному к печати сборнику своих произведений: «Некоторые из моих читателей говорят, что мои сказки слишком серьёзны для детей и несерьёзны для взрослых. Кое-кто упрекает меня в том, что я, мол, использую искусство в целях саморекламы. Но я никогда не думал об известности, славе. Писать для меня так же естественно, как дышать. Жить для меня – главное искусство, ведь сама жизнь есть драма, и каждый человек исполняет свою роль на её великой сцене...»

В журнале «Варэра» опубликована сказка «Страна радуги». 3 июня 1921 г. Ерошенко завершает сказку «Тесная клетка» и передаёт её в редакцию журнала «Кайдзо», опубликована она будет уже в июльском номере; газета «Иомиури симбун» публикует статью Ерошенко «Чаша страданий».

Власти отдают распоряжение о высылке Ерошенко из Японии. «Четвёртое июня 1921 года, – последний день, проведённый мной на японской земле...» Ерошенко схвачен полицейскими и под конвоем препровождён на пароход «Ходзан-мару», уходивший во Владивосток.

Утром 6 июня пароход «Ходзан-мару» прибыл во Владивосток – город, который после переворота 26 мая 1921 г. стал центром контрреволюции на Дальнем Востоке.

Из письма Аките Удзяку:

«Владивосток, 12 июля 1921 г.

... Сегодня я покидаю Владивосток и через Хабаровск направляюсь в Читу и Иркутск, а оттуда – в рабоче-крестьянскую Россию... Здесь я узнал, что сейчас в школах рабоче-крестьянской России хорошо поставлено обучение эсперанто... Если я, на своё счастье, благополучно доберусь до Читы, то, может быть, меня пошлют делегатом от местного общества эсперантистов на XIII Всемирный съезд в Прагу. Но путешествие в Читу, наверно, будет очень трудным. Во всяком случае, я долго готовился. В течение двух месяцев понемногу покупал нитки, иголки, верхнюю одежду и прочее, а также чай, сахар, колбасу и другие различные продукты. Никто не верит, что я один смогу совершить это путешествие в глубь России...»

11 июня поездом Ерошенко выехал из Владивостока. Он сошёл с поезда на станции Евгеньевка, вблизи которой начинались передовые позиции белой армии Каппеля. На «территорию, занятую красными», попасть не удалось, и Ерошенко временно поселился в деревне Поваровке.

Вскоре он предпринял новую попытку вернуться на родину. 23 июня в Имане на временной границе Дальневосточной республики эсеровский отряд, несший постовую службу, не пропустил В. Ерошенко. И он принял решение отправиться в Китай – пересёк границу и по шпалам (поезда не шли) направился в Харбин.

В Харбине Ерошенко заболел, стал плохо слышать. Из Японии приходят письма – друзья шлют ему деньги, сообщают о новых изданиях его книг, хлопчут о том, чтобы Ерошенко разрешили вернуться в Японию.

В 1921 г. в Токио под редакцией Акита Удзяку вышел (на японском языке) сборник произведений Ерошенко «Песни перед зарёй (Песни предутренней зари)», в журналах «Варэра» и «Кайдзо» опубликованы его новые сказки. Летом 1921 г. выходящий в Пекине прогрессив-

ный журнал «Синь циньянь» («Новая молодёжь») публикует сказки «Тесная клетка» и «На берегу» в переводах великого китайского писателя Лу Синя.

22 октября 1921 г. появилось литературное приложение к пекинской газете «Чэньбо», полностью посвящённое жизни и творчеству В. Я. Ерошенко.

Из письма Акита Удзяку, 21 ноября 1921 г.:

«Господин Ерошенко, только что я закончил чтение Вашей пьесы-сказки «Розовое облако», переданной мне для редактирования. Исправить пришлось лишь несколько мест, написанных на старом японском языке. Всё остальное вылилось из Ваших уст как неиссякаемый творческий родник. Читая эту красивую сказку, я вспомнил Ваше лицо, Ваш голос, представил себе даже особенности Вашего произношения... В «Розовом облаке» Вы не уходите в мир мечты, не отрываетесь от земных забот. Но пламя Вашей мысли, пламя Вашей мечты горит и в этой сказке...»

В ноябре и декабре Лу Синь расспрашивает о русском изгнаннике в письмах к шанхайскому литератору, товарищу Ерошенко Ху Юй-чжи и известному писателю Мао Дуню.

«Пока г-на Ерошенко не выдворили из Японии – напишет Лу Синь в 1925 г., – я не знал ни его имени, ни фамилии. Произведения его я прочитал уже после того, как он был выслан. Из статьи г-на Кана в «Июмибури симбун» мне стали известны более подробно обстоятельства позорного изгнания слепого русского писателя из Японии. Тогда-то я перевёл его детские сказки и пьесу «Персиковое облако». Дело в том, что тогда я думал только об одном: мне хотелось, чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудилась ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство...»

22 января 1922 г. Лу Синь пишет предисловие к выходящему в Шанхае сборнику «Сказки Ерошенко»: «Сказки Ерошенко выходят теперь отдельным сборником. Они предстанут перед китайским читателем. Это – моя давняя мечта... Сначала я перевёл шесть

сказок из первого полученного мною сборника произведений Ерошенко «Песни предутренней зари», потом перевёл сказку «Смерть двух малышей» из второго сборника – «Последний вздох». Кроме того, из журнала «Сяньдай» перевёл «Ради человечества» и, наконец, по рукописи – «Мировой пожар».

По моему собственному выбору я сначала перевёл «Тесную клетку», «На берегу», «Сердце орла», «Сон в весеннюю ночь», остальные переведены мною в соответствии с пожеланиями автора. Я понял трагедию человека, который мечтает, чтобы люди любили друг друга, но не может осуществить свою мечту. И мне открылась его наивная, красивая и вместе с тем реальная мечта. Может быть, мечта эта – вуаль, скрывающая трагедию художника? Я тоже был мечтателем, но я желаю автору не расставаться со своей детской прекрасной мечтой. И призываю читателей войти в эту мечту...».

24 февраля – по приглашению Лу Синя – Ерошенко приезжает в Пекин. По рекомендации великого писателя Ерошенко предоставляют возможность прочесть курс лекций по эсперанто в Пекинском университете.

Из воспоминаний журналиста Фукуока Сэйти: «Я хочу рассказать о самых первых месяцах после переезда Ерошенко в Пекин из унылого Шанхая... с конца марта до середины апреля мы жили с ним вместе.

В то время я был студентом Токийского университета, и Ерошенко пригласил меня приехать к нему в Пекин... На вокзале меня никто не встретил. Делать было нечего, я взял рикшу и назвал адрес: Бадаовань, 11. Здесь жили родные Лу Синя.

Бадаовань была пустынной улочкой с тихими, уединёнными особняками. Здесь-то Ерошенко и нашёл наконец убежище от докучливых японских чиновников. В большом доме, окружённом садом, жил Лу Синь с женой и матерью. Слева стоял флигель, в котором устраивали гостей, и здесь же был рабочий кабинет Лу Синя. Братья Лу Синя Цзо-жэнь и Цзянь-жэнь со своими семьями жили в доме поодаль. В этом доме поселили и Ерошенко. Окна его комнаты, расположенные как раз напротив дома Лу Синя, до поздней ночи были освещены...

Вспоминается мне концерт 2 апреля в вечерней школе при университете (тогда были каникулы), на котором Ерошенко пел под гитару. Слушателей было немного, но Ерошенко пел так, словно перед большой аудиторией в Токио.

В Пекинском университете к нему относились с уважением, но близких друзей у него там, кажется, не было.

Тихие ночные часы были наполнены для Ерошенко радостью творчества. В его комнате мягко светила лампа, приходил Лу Синь, и часто далеко за полночь велась оживлённая беседа. При этом совсем не чувствовалось, что Лу Синь – китаец. Он умел так проникаться настроением, мыслями собеседника, что совершенно перевоплощался...»

В февральском номере японского журнала «Танэмаку хито» опубликована сказка В.Ерошенко «Цветок справедливости», в мае – в журнале «Кайхо» – сказка «Мировой пожар».

«... Во второй половине июля 1922 года поезд, шедший из Пекина через Харбин в Россию, остановился в Чите. Там, после таможенного досмотра и проверки документов, профессор Пекинского университета В. Я. Ерошенко покинул вагон для иностранцев, перебрался на крышу и, смешавшись с многочисленными пассажирами, осаждавшими тогда поезда, стал одним из тысяч слепцов, которые скитались по России. Рубил на остановках дрова для паровоза, вместе со всеми прятался в лесу от бандитов, пел песни у костра – он был у себя на родине» (А.Харьковский «Человек, увидевший мир»).

Несколько дней Василий Яковлевич провёл в родной Обуховке.

8 августа 1922 г. приезжает в Хельсинки для участия в работе XIV Международного конгресса эсперантистов.

В конце августа Ерошенко в Москве. Отправляется в путешествие по стране: неделю живёт в домике рыбака на берегу Дона, несколько дней проводит в Ельце. Отсюда – поездом до маленькой станции Голофеевка, от неё – пешком в Обуховку.

«Вернувшись на родину, я, разумеется, решил непременно побывать в деревне, которую покинул десять лет назад. Пригревало солнце, но в деревне ещё было холодновато... на всём почему-то лежала печать неизъяснимого уныния. От тополиной рощи, которую так не любили жители деревни, и которую так любил я, не осталось и следа...»

В сентябрьской книжке журнала «Кайдзо» опубликованы «Записки о высылке из Японии», написанные Ерошенко осенью 1921 г.

«Октябрь, 1922 г.» Эта дата стоит под известной новеллой Лу Синя «Утиная комедия», героем которой является Ерошенко. Из новеллы: «Сейчас лето снова переходит в зиму, а от Ерошенко нет никаких вестей. Так я и не знаю, где-то он теперь...»

Осенью В. Я. Ерошенко возвращается в Китай – «доучивать студентов эсперанто». 4 ноября прибывает в Пекин. Встреча с Лу Синем. 7 ноября участвует в студенческой демонстрации по случаю 5-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В январе 1923 г. принимает участие в дискуссии о китайском театре.

Политическая обстановка в Китае обостряется. 7 февраля солдаты стреляли в рабочих.

В дни зимних каникул Ерошенко посещает Ханчжоу и Шанхай.

В Шанхае вышел сборник избранных произведений В.Ерошенко «Сон одинокой души».

Из дневника Лу Синя: 15 апреля 1923 г. «Провёл вечер в ресторане вместе с Ерошенко». То был прощальный вечер – Ерошенко решил, не завершив учебного года, покинуть Китай.

Получает мандат Пекинской эсперанто-лиги для участия в XV Международном конгрессе эсперантистов (в августе, в Нюрнберге).

Май 1923 г. Ерошенко в Москве.

19-21 июля в Москве в клубе бывших политкаторжан проходит учредительный съезд Союза эсперантистов советских стран (СЭСС, позднее переименованного в СЭСР – Союз эсперантистов советских республик). На съезде Ерошенко знакомится с президентом СЭСС Эрнестом Дрезеном и присоединяется к советской делегации на XV Международный конгресс эсперантистов.

Август. Нюрнберг. Конгресс. Встречи с товарищами и знакомыми из многих стран, участие в работе лингвистических комиссий, выступления в концертах. На конгрессе распространялась складная почтовая открытка: «идёт по миру Ерошенко с мешком и гитарой за плечами».

В рамках конгресса организован международный конкурс поэтов. Ерошенко прочёл свои стихи «Предсказание цыганки» и был

удостоен международной премии. Председатель жюри, венгерский поэт Кальман Калочай отметил, что «приз получает не только поэзия, но и вся подвижническая жизнь Ерошенко».

Из Нюрнберга Ерошенко едет в Лейпциг на всемирно известную ярмарку, посещает музей графики и знаменитую Лейпцигскую библиотеку. Отправляется в Гёттинген, в университет, и вновь возвращается в Лейпциг.

В 1923 году вышли из печати: на языке эсперанто на Формозе (Тайване) сборник «Падающая башня» (в качестве приложения к газете «Зелёная тень»), в Шанхае (изд-во Восточного ин-та пропаганды эсперанто) – книга «Стон одинокой души» и «Сказки» (в переводах с японского Лу Синя).

Весной 1924 г. Ерошенко в Париже. Встреча с лидером всемирной организации слепых Жоржем Ревертом. Об этой встрече Ерошенко рассказал впоследствии в статьях «За что борются слепые за рубежом?» и «Под дубинкой миллиардеров».

Летом едет в Вену на Международный конгресс слепых, где была основана Универсальная ассоциация слепых эсперантистов.

Сентябрь 1924 г. Ерошенко возвращается на родину – советский пароход доставил его из Гамбурга в Ленинград. В день приезда он встретился в Ленинграде с товарищами из артели «Ослеплённый воин», ответил на многочисленные вопросы.

В московской квартире Ерошенко ждала бандероль из Японии. В ней – изданные раньше его книги «Песнь предутренней зари», «Последний стон» и только что вышедший в Токио сборник «Во имя человечества». Рядом – стопка писем, большинство – от японских друзей и знакомых.

В сентябре (октябре?) приезжает в Обуховку.

Из «Трудового списка Ерошенко В. Я.» (выданного ему в 1934 г.): «1924. XII.20 Инструктор русского языка японской группы при Коммунистическом университете трудящихся Востока – по 1927 год (справка № 99542)».

Из воспоминаний Касуга Сёдзиро: «В конце 1924 г. я впервые приехал в Москву. Коммунистическая партия Японии послала меня и ещё восемь человек (а каждому из нас было тогда по двадцать лет) учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока. Все мы, за исключением двух-трёх самых юных, уже имели за спиной

большой опыт профсоюзной работы, в синдикатах, руководимых тогда Профинтерном...

Мы обратились к руководству университета с просьбой разыскать Василия Ерошенко... и пригласить его к нам в качестве переводчика. Какова же была наша радость, когда товарищи быстро разыскали его: он жил в родной деревне. Они попросили его приехать к нам.

Честно говоря, я не думал, что руководство университета пойдёт нам навстречу. В Японии о Ерошенко говорили разное, называли его анархистом, космополитом, ходили слухи, что вот, мол, поэт не хочет возвращаться к себе на родину после Октябрьской революции. Но всё это оказалось ложью. И вот однажды в очень радостный для нас день Василий Ерошенко появился на пороге нашей комнаты в сопровождении любезных руководителей университета.

За эти четыре года, что мы не видели Ерошенко, он изменился очень мало и был таким же, каким мы привыкли видеть его в Японии, он как будто бы сошёл с портрета нашего известного художника Накамура Цунэ – немного грустный, но всегда юный. Разумеется, он с радостью согласился быть у нас переводчиком. Не расставались мы с ним и после занятий: часто взяв кого-либо из нас за руку, Ерошенко отправлялся в кино, в театр, нередко в оперный. Он хотел, чтобы мы ближе узнали быт и жизнь простых людей России, и часто приглашал нас в те семьи, где говорили на эсперанто.

Летом 1925 г. мы, студенты, сняли дачу в Малаховке, недалеко от Москвы. Это было замечательное место: маленькие домики прямо-таки тонули в густом лесу. Ерошенко тоже отдыхал с нами. Мы жили с ним в одной комнате целый месяц, кровати наши стояли рядом, и я мог наслаждаться его обществом. Мы не только отдыхали, но и работали.

Каждый день я читал вслух «Правду». Ерошенко слушал меня, поправляя произношение. Его помощь помогла мне изучить русский язык...»

В 1926 г. в Ленинграде В.Я.Ерошенко участвует в работе всемирного съезда рабочих-эсперантистов.

Отпуск (весна или начало лета) проводит в Обуховке.

Из «Трудового списка...»: 1927. IX. 15. Работал общественным работником при Центральном обществе слепых в г. Москве по 1932 год (удостоверение № 26).

В ноябре 1927 г. в Москву на празднование 10-й годовщины Октября в составе японской делегации приезжает Акита Удзяку, создавший Японо-советское литературно-художественное общество. Ерошенко с Акитой Удзяку отправляются в поездку по СССР, их маршрут: Ленинград, Нижний Новгород, Минск, Казань. В 1928 г. они участвуют в республиканском съезде Всероссийского общества слепых в Москве. Акита Удзяку выступает на съезде, Ерошенко переводит его речь. В Японию Акита Удзяку возвращается летом 1928 г. (В 1929 г. выйдет его книга очерков «Молодая Советская Россия» – один из первых в Японии рассказов об СССР).

Весной 1929 г., приехав в Обуховку, Ерошенко узнаёт, что давно нет вестей от брата Александра, уехавшего на Чукотку. Решает совершить путешествие на Чукотку. И в июне на пароходе «Астрахань» отправляется из Владивостока мимо Курильских островов на Камчатку, затем – к устью реки Анадырь и дальше на север – к мысу Дежнева.

Встреча с братом – ветеринарным врачом Чукотской культурной базы. Эта база («кульбач») была основана год назад группой энтузиастов во главе с будущим писателем Тихоном Сёмушкиным, автором известного романа «Алитет уходит в горы».

Ерошенко изучает чукотский язык, ездит по тундре на собачьей упряжке, охотится (по слуху). Во время одной из поездок в тундру Ерошенко застигла выюга, постромки соскочили и собаки убежали. Он едва не замёрз, а затем тяжело заболел воспалением лёгких.

Летом – с открытием навигации – уезжает во Владивосток, оттуда в Москву. Из Москвы – в Обуховку.

В седьмом и восьмом номерах журнала «Жизнь слепых» опубликованы очерки В.Ерошенко «Встречи на Чукотке» и «Филипп Онкудимов».

Справка: «Дана мною, директором Московского городского клуба слепых Ждановичем М. Н., гр-ну Ерошенко Василию Яковлевичу в том, что в бытность мою заместителем председателя Нижегородского краевого отдела Всероссийского общества слепых и директором Нижегородской профтехнической школы слепых тов. Ерошенко В. Я. работал в указанной профтехшколе в качестве преподавателя математики и русского языка с 1/VIII-29 г. (очевидно, 1930 г. – **Б. О.**) по 1/IX-31 г. (очевидно, 1932 г. – **Б. О.**). Москва, 16/IX-40.

В журнале «В ногу со зрячими» № 1, 1931 г. – статья В. Ерошенко «За что борются слепые за рубежом». В этом же журнале – № 3, 1932 г. – статья «Под дубиной миллиардеров».

Осенью 1932 г. Ерошенко вернулся в Москву.

Из «Трудового списка...»: «1932.IX.10 – Работал корректором при 19 типографии ОГИЗ рельефного шрифта – по 1934 год (удостоверение № 26)».

В 1932 г. Ерошенко сумел выехать в Париж на очередной Всемирный эсперанто-конгресс.

В 1932-1933 гг. в Москве в издательстве Центрального правления Всероссийского общества слепых вышли в переводах Ерошенко с русского языка на эсперанто произведения Ф. Шоева «Сын» и В. Рязанцева «Гражданский реквием» (глава из повести «Слепые»).

В первом томе Энциклопедии эсперанто (стр. 192-193), вышедшем в 1933 г. в Будапеште издательстве «Литературный мир» – статья (на эсперанто) «Ерошенко Василио». В журнале «Эсперанто лигило» Будапешт, 1933 г., № 4) – на языке эсперанто – сказка Ерошенко «Чукотская идиллия». В журнале «Жизнь слепых» за 1933 г. – первая публикация Ерошенко на русском языке – «Чукотская сказка». В 1933 г. Ерошенко редактировал альманах слепых литераторов.

«Я живу в Москве, но всегда готов ускользнуть куда-нибудь в деревню, на простор» (Из письма В. Ерошенко от 16 марта 1933).

Летний отпуск проводит в Обуховке.

В 1934 году уезжает в Туркмению. Живёт в Ашхабаде у брата Александра, который перебрался сюда с Чукотки.

Справка: «Дана настоящая тов. Ерошенко в том, что он действительно работает при Наркомпросе по приглашению из Москвы как специалист по делам слепых с XI-34 года. Нарком просвещения Туркм. ССР – Т. Вердыев».

Приказ № 65 от 1.IV.35 г. по Наркомпросу ТССР: «Назначить Ерошенко Василия Яковлевича заведующим Республиканским детдомом слепых при Наркомпросвещении ТССР».

В журнале «Эсперанто лигило»: № 7, 1934 г. – статья В. Ерошенко «У слепых Узбекистана», № 12, 1934г. – статья «Советская Армения (Американская христианская миссия)». В японском журнале «Лигио пор виданто» (Информатор для зрячих) № 14, 1934 г. – очерк В. Ерошенко «Обречённый жить» (на эсперанто).

1934-1935 гг. Ерошенко овладевает туркменским языком. Много ездит по республике, собирая слепых детей в первую в Туркмении специальную школу. Наркомпрос Туркмении утверждает разработанный В. Я. Ерошенко алфавит (по Брайлю) для слепых туркмен.

В детдоме в Кушке – по программе, разработанной Ерошенко, – дети не только овладевали знаниями из учебников, но и получали специальность. Помимо традиционных для слепых занятий (изготовление мешков, гамаков), они пасли скот, работали в огороде своего детского дома, ухаживали за пчёлами.

Директор детдома старался почаще организовывать для юных воспитанников поездки в ближайший большой город Мары с непременно посещением кинотеатра. Сам водил их по окрестным аулам, знакомя с природой, людьми. Весной 1936 г. Ерошенко организовал для воспитанников первое в их жизни путешествие-экскурсию на производственный комбинат в Байрам-али.

В журнале «Жизнь слепых» № 5, 1937 г. – большая статья Д. Алова «Слепые Туркмении будут обучаться на родном языке» – о детдоме в Кушке. Об этом же – очерк А. Белорукова «Голоса улицы» – в журнале «Эсперанто лигило» (1937 г.)

Вспоминает З. И. Шамина: «...Он был мягок с людьми и доверчив, как ребёнок. Когда нечистый на руку завхоз оставил детдом без хлеба, учителя предложили директору немедленно прогнать вора с работы.

– Ну, поймите, – ответил Ерошенко, – Я не могу его уволить: у завхоза семья.

– Вы бы ещё покрыли недостачу из своего кармана.

– Спасибо за совет – я уже так и сделал.

Неважно у него складывались отношения и с начальством. Он терпеть не мог, когда в детдом приезжал кто-либо из инспекторов. Не нравился ему их тон, неуместное проявление жалости или же, наоборот, подчёркнутое восхищение достижениями слепых детей...

Что и говорить, администратор он был неважный. Но ведь он стремился создать не обычный детдом для слепых, а маленькую детскую республику в горах, чтобы воспитать там настоящих людей, у каждого из которых было бы любимое дело на всю жизнь».

В 1938 г. Ерошенко стал одним из победителей на Всероссийском шахматном турнире в Ленинграде.

Год 1938. Прекращена деятельность Союза эсперантистов советских республик (СЭСР) – одной из крупнейших в мире организаций эсперантистов. Многие её руководители арестованы, книги и архивы уничтожены.

Письмо Ерошенко – т. Чернецкому:

«7.4-40 г. Кушка, детдом слепых. Дорогой товарищ Чернецкий, Ваше письмо случайно попало в мои руки, так как я давно уже, более 6 лет, не живу в Москве. Я работаю в детдоме слепых, который я и организовал для туркмен в Кушке. Это местечко замечательно только тем, что оно является самой южной точкой СССР...

Я живу на афганской границе и для въезда к нам требуется особое разрешение НКВД, но в сентябре нашу школу собираются перевести из пограничной полосы в областной город Мары. Мне хотелось бы побывать в наших «новых местах» (Западная Белоруссия. – Б. О.), с 20 июня я иду в отпуск на два месяца. Я поеду через Москву к себе на родину (Курская обл., Старооскольский район, слобода Обуховка) и, если бы Вы разрешили, я заехал бы к вам дня на два. Ну, а пока пишите мне по-русски. Эсперанто у нас не в моде; все центр. эсперантские учреждения закрыты, и многие работники арестованы как шпионы и предатели. Поэтому и у меня прекратилась всякая связь с моими заграничными друзьями. Я лишь изредка получаю «Эсп. логило». А вы получаете что-нибудь из-за границы? Пишите, будем друзьями.

Ваш В. Ерошенко».

Из справки Наркомпроса ТССР от 19 июля 1945 г. № 1253: «...С 1942 года в связи с военной обстановкой тов. Ерошенко был переведён на должность педагога при детдоме слепых, а директором был назначен зрячий человек. В должности педагога он работал и по настоящее время в Сталинском районе, куда переведён детдом слепых с 1943 г.»

В 1945 году Ерошенко минуло пятьдесят пять. Приступы малярии вынудили его покинуть юг и вернуться в Москву.

Лето 1945 г. Василий Яковлевич проводит в Обуховке.

Из воспоминаний старооскольца В. Богданова : «Это было в июле 1945 года. Когда я пришёл к Ерошенко, у него на столе был периоди-

ческий журнал для слепых на английском языке. Он встретил меня просто, как старого знакомого... В первую же встречу Василий Яковлевич дал мне совет учиться, стал помогать освоить систему Брайля. Вскоре он помог мне поступить на учёбу в Курскую музыкальную школу для слепых.

У меня до сих пор хранятся букварь и книга для чтения взрослых, которые мне подарил Ерошенко».

В 1946 г. Ерошенко преподаёт брайлевскую грамоту, русский язык и литературу под Москвой, в Загорской «музыкальной школе-интернате для военно-ослепших».

Из воспоминаний З. И. Шаминой: «Последний период жизни Ерошенко изобилует большими и маленькими неприятностями. Уезжая в Среднюю Азию в 1934 году, он пустил в свою квартиру незрячих молодожёнов. Ставить условия, выговаривать какие-то права на эту жилплощадь Василий Яковлевич считал нетактичным. Вернувшись в Москву, Василий Яковлевич оказался без жилплощади, ему никак не удавалось прописаться. Знакомые рекомендовали Ерошенко идти прямо в Кремль, не обивать пороги кабинетов управдомов. Но Василий Яковлевич никогда не претендовал на особое отношение к себе, на какие-либо поблажки и скидки...»

Зимой 1946 г. Ерошенко принял участие во Всесоюзном шахматном турнире слепых в Ленинграде.

Справка Московского института слепых детей от 11 марта 1949 г. № 120: «Дана настоящая тов. Ерошенко В. Я. в том, что он действительно работал в Московском институте слепых детей в должности преподавателя английского языка с I/X-46 г. по 16/VI-48 г. Справка дана для представления в пенсионный отдел».

В 1947 г. в Швеции издали (на эсперанто по Брайлю) очерк Ерошенко «Трехходовая шахматная задача».

В 1948 г. участвует в работе республиканского съезда слепых Узбекистана. Возвращаясь, он посещает Ашхабад, совершает путешествие по Союзу.

Из писем Б. Я. Котлярову:

«Москва. 16/2-1949. ...Наконец, я опять устроился и, это главное, прописался в Москве на 6 мес., но это нелёгкий был подвиг. Мой адрес: Москва, Плющиха, Земледельческий переулок, дом 8, кв. 5.

«14/3-1949... Я сообщал вам, что начал хлопоты о прописке на новой квартире в Москве (я был прописан при ин-стит. сл.(еных), и лишь сейчас дело, как будто бы, подходит к концу, и я получаю прописку. Но я не думаю оставаться в Москве, числа 15-го апреля я уеду домой (станция Голо-феевка... слобода Обуховка); там я думаю остаться на всё лето, а, может быть, и дальше. Поэтому я прошу вас книги, которые вы собирались послать мне в Москву, адресовать на Обуховку... В. Ер.».

Справка Ташкентского областного отдела общества слепых от 7 июля 1951 г.: «Дана настоящая тов. ЕРОШЕНКО Василию Яковлевичу в том, что он действительно работает в школе ликбеза слепых в должности преподавателя с 12/ХІІ-49 г. по настоящее время – месячный оклад составляет 562 р. Справка дана для представления в Октябрьский райсобес на получение пенсии».

В 1951 г. предпринимает путешествие по Якутии.

«...У него была идея – поселиться там в колонии для прокажённых, остаток своих дней посвятить этим несчастным.

Однако болезнь помешала осуществлению этих планов. Ерошенко мучили сильные боли в желудке.

Врач, осмотревший его, не предполагал, конечно, что больной знает латынь. Он сказал ассистенту роковое слово – рак. Операцию не предложил. «Значит уже поздно» – подумал Василий Яковлевич...» («Человек, увидевший мир»).

Вспоминает З. И. Шамина: «Новый, 1952 год, мы встречали вместе, в Москве. Уже тогда заметно ухудшилось здоровье Василия Яковлевича. В конце февраля он уехал на родину, в свою родную Обуховку».

В мае Ерошенко едет в Харьков, к сестре Марии. Из Харькова – в Донбасс, в Холодную балку к другой сестре, Ниониле, работавшей врачом. И, наконец, в Карелию к третьей сестре, Нине. Возвращаясь в Обуховку, ненадолго останавливается в Москве – прощается с близкими ему людьми.

Письмо В. Я. Ерошенко из Обуховки 6 октября 1952 г. З. И. Шаминой:

«Дорогая Зина! Внутри тетради, которую я посылаю, вы найдёте мою фотографию. Все вместе отошлите в журнал «Эсперанто

лигило» с заметкой о моём уходе из жизни. Конец её, который был ещё недавно так близок, неожиданно и непонятно для всех отдалился – болезнь приняла мучительный, затяжной характер.

В этом письме я посылаю окончание «Чукотской сказки», начало которой вы уже получили. Рукопись я переписал начисто... Пришлите мне более тонкую бумагу для писем. Я собираюсь написать «Корейскую сказку», но работа на толстой бумаге меня выматывает... Сердечный привет всем. В. Ер».

Василий Яковлевич Ерошенко умер 23 декабря 1952 г. в Обуховке, похоронен на сельском кладбище.

По свидетельству обуховцев и людей, близких Василию Яковлевичу, после того, как погибли его книги и рукописи в Кушке (ими «печь вытопили»), после того, как сгорел архив в Москве, Ерошенко вновь собирал книги, сохранял письма и рукописи. В этом архиве кроме его новых произведений, были письма зарубежных и советских друзей. Всё это богатство он завещал Всероссийскому обществу слепых. Архив – по свидетельству родных Ерошенко – «весом более трёх тонн» был перевезён на грузовике в Старый Оскол, в местное отделение ВОС. В Старом Осколе архив спалили.

В 1953 г. сказки В. Я. Ерошенко вошли в многотомную Библиотеку японской детской литературы.

В Чехословакии о творчестве Ерошенко пишет известный литературовед Берта Кребсова.

В 1954 г. в Москве выходит первый том Собрания сочинений Лу Синя, в томе – рассказ «Утиная комедия».

В 1956 г. в Осаке издан сборник произведений В. Ерошенко «Стон одинокой души», а в Токио – книга профессора Такасуги Итиро «Слепой поэт Ерошенко». В этом же году в Японии выходят на эсперанто книги «Рассказы увядшего листа» и «Падающая башня».

В 1958 г. в журнале «Знамя» № 7 опубликована статья В. Рогова «Русский друг Лу Синя» (перепечатана журналом «Жизнь слепых», № 12). В Японии в Большом биографическом словаре (Токио, т. 7-8) – статья о жизни и творчестве нашего замечательного земляка.

В 1959 г. в токийском издательстве «Мисудзо себо» под редакцией Такасуги Итиро выходит Полное собрание сочинений В. Я. Ерошенко (т. 1, 521 стр. с илл., произведения на японском языке, т. 2 – 414 стр.

с илл., произведения на эсперанто, т. 3 – 289 стр. с илл., статьи и очерки о В. Я. Ерошенко, библиография, даты жизни и деятельности В. Я. Ерошенко).

30 декабря 1960 г. в районной газете «Путь Октября» и 5 января 1961 г. в «Белгородской правде» – под рубрикой «Наши выдающиеся земляки» – корреспонденция А. Кепова «Музыкант, поэт, языковед».

28 мая 1961г. в «Московской правде» – статья актрисы Елизаветы Ауэрбах «Судьба поэта»; 26 сентября в «Литературной газете» статья Романа Белоусова «Друг Лу Синя». В журнале «Труд слепых» (№№ 4, 7, 9 за 1961 г.) – серия статей и воспоминаний о В. Я. Ерошенко.

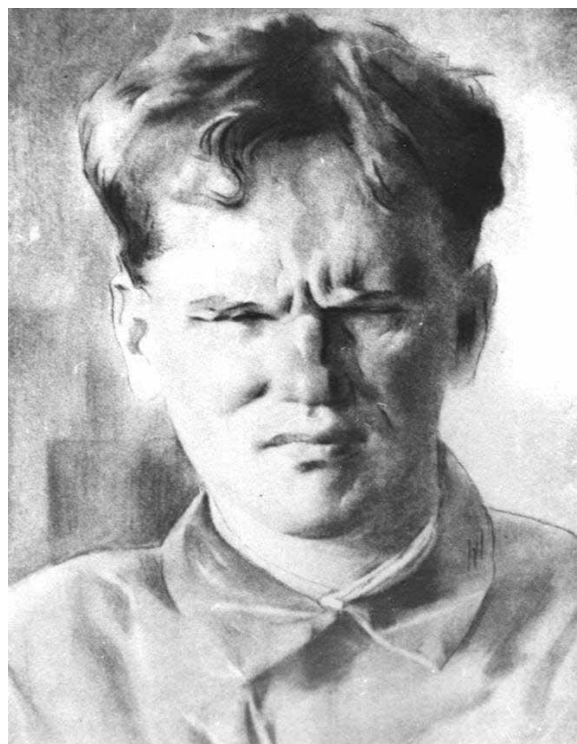
В 1962 году Белгородское книжное издательство выпускает сборник «Сердце орла» – первую книгу В. Я. Ерошенко на русском языке. В 1964 г. она была переиздана «Просвещением» брайлевской печатью в трёх книгах, а в 1971 г. – также в трёх книгах – выпущена в Вильнюсе.

В 1960-е гг. в различных периодических изданиях появляются десятки статей о нашем замечательном земляке, публикуются его произведения. Вот лишь три публикации: во втором томе Краткой литературной энциклопедии, в книгах «Писатели нашего края» (Белгород, 1965 г.) и «Белгородская область» (ЦЧКИ, 1967). В 1989 г. к 100-летию со дня рождения В.Я.Ерошенко в Белгороде выходит двухтысячным тиражом хроника «Музыкант, путешественник, поэт, педагог», в 2008 г. его произведения помещены в антологии «Литературные памятники Белгородчины», в 2010 г. в Белгороде издана книга Бориса Осыкова «Родного Белогорья имена» с большим очерком о В.Я.Ерошенко.

В Обуховке под Старым Осколом сооружён некрополь семьи Ерошенко и дом-музей В.Я.Ерошенко. В Белгороде большую целенаправленную работу по пропаганде жизни и творчества выдающегося земляка проводит государственная специальная библиотека имени В.Я. Ерошенко.

*Бюст В.Я. Ерошенко.
Работа одесского скульптора
Н.В. Блажкова, подаренная в 1969 г.
Обуховской школе*

*В.Я. Ерошенко.
Портрет (1930 г.) работы
советского художника Е. Кацмана*

Евдокия Васильевна и Яков Васильевич Ерошенко

*В.Я. Ерошенко.
Портрет работы японского
художника Накамуры Цунэ*

*Последняя фотография
В.Я. Ерошенко,
сделанная в Обуховке в 1952 г.*

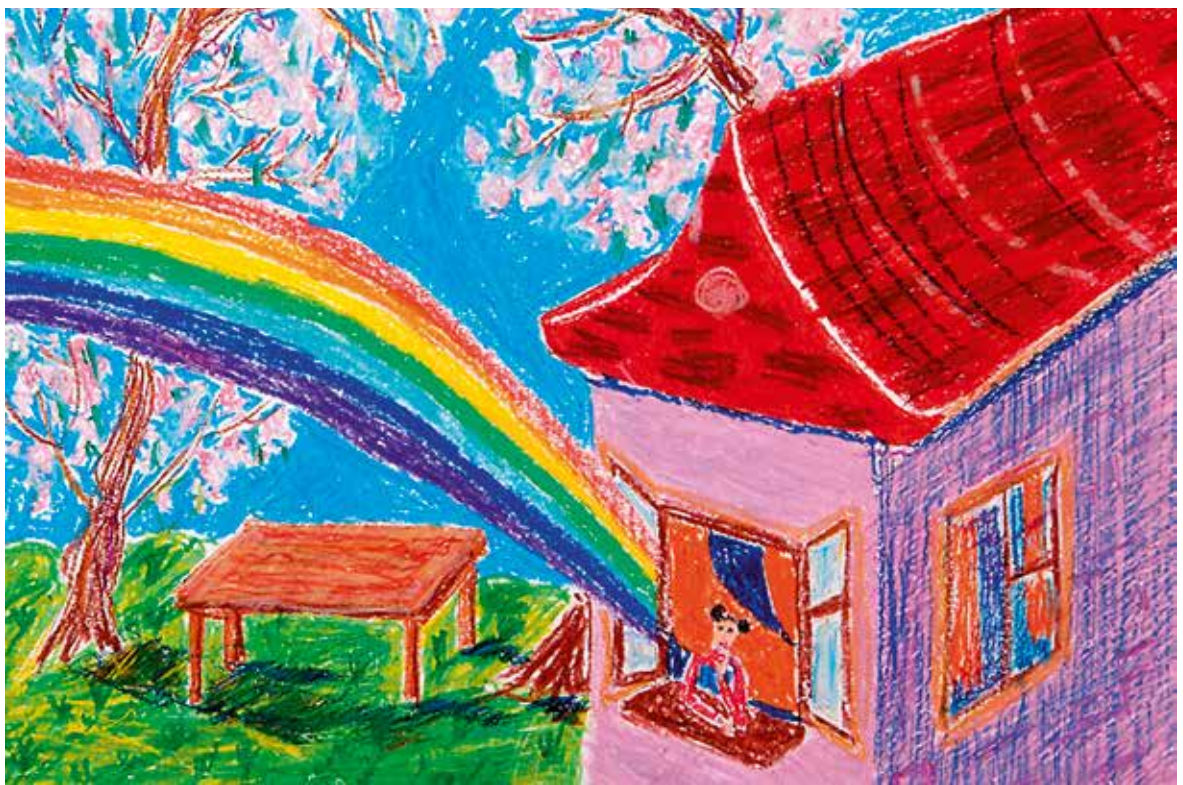

Дом Московского Общества призрения, воспитания и обучения слепых детей

«Страна Радуги»

Даша Симонова, 13 лет, гуашь, преподаватель Геращенко Н.М.

«Страна Радуги»

Римма Силина, 11 лет, восковые мелки преподаватель Н.М. Геращенко

Тесная клетка

Тигр устал...

Каждый день, каждый день одно и то же...

Тесная клетка, узкая полоска неба, видимая через решётку клетки, все, что видно, – это опять-таки клетка...

Эти ряды клеток так близки, их так много, кажется, что за стенами зоопарка – конец света.

Эх, тигр устал... Тигр очень устал...

Каждый день, каждый день одно и то же...

Эти тупые лица посетителей, тупой смех, тошнотворный запах...

«Эх, если бы только можно было не видеть эти глупые, грубые лица, не слышать этот тупой смех...»

Но эта тупая толпа была везде, куда ни кинешь взгляд, слишком близко, слишком близко, и не было ей конца, и если выбраться за стены зоопарка, она следовала бы по пятам до конца света. Этот грубый смех, казалось, будет звучать всегда, пока существует Вселенная.

Эх, тигр устал... Тигр очень устал...

Тигр свернулся клубком, словно котёнок, спрятал голову и, дрожа от отвращения, подумал: «Эх, неужели жизнь тигра заключается только в том, чтобы смотреть на эти лица? Так называемая жизнь заключается в том, чтобы слушать этот глупый смех?...»

Из его груди вырвался тяжёлый горестный вздох.

«Эй, тигр плачет!» – посетители кричали и один за другим стали подбегать к клетке поближе.

От ненависти и гнева по телу тигра пробежала судорога. Не отдавая себе отчёта, он яростно ударил хвостом об пол клетки.

Он вспомнил то время, когда он жил на свободе, в глубине того леса, в котором под тысячелетним деревом появился каменный бог, увитый цветами. Туда начали приходить люди из разных далёких деревень, забыв о близости тигра, они падали на колени перед этим каменным богом и спокойно молились.

Иногда слышались вздохи, иногда слёзы падали на цветы, смешиваясь с росой, они непонятным образом слегка светились в сиянии луны, подобно волшебной жемчужине, или, полные радости, скатывались по цветам, или в задумчивости, мерцая, застывали на кончиках листьев, и такое различие слёз людей и ночной росы было для тигра в то время любимой забавой.

Однажды ночью он попробовал лизнуть слезу человека, упавшую перед каменным богом и загадочно переливавшуюся, подобно самоцвету. Тогда он ещё не знал, что для бога нет высшего подношения, чем слёзы, которые дороже драгоценных камней. Он лизнул всего капельку – на пробу, и в ту же ночь его поймали. Он подумал, что это наказание от каменного бога.

Сейчас при одной мысли об этом у тигра начинала до слёз болеть душа. Он научился вставать на колени, как это делали люди перед каменным богом, и произносить молитву:

«Боже, только бы не видеть эти глупые лица, только бы не слышать этот глупый смех...»

Пока он молился, не заметил, как глупый смех постепенно затих вдаль, подобно весеннему сну исчез в сумерках; тигр повернул уши в сторону, но услышал только шум прохладного горного ручья, более того, толпа отвратительно пахнувших людей тоже исчезла, воздух наполнился ароматом цветов.

Тигр ошеломлённо открыл глаза и в растерянности посмотрел по сторонам.

Кто может представить радость тигра! Клетка, сдерживавшая его, глупые тени людей – всё это исчезло. Он лежал под тысячелетним деревом перед каменным богом, покрытым цветами. Слёзы людей по-прежнему сверкали в свете луны, таинственно поблёскивая на цветах.

Сейчас он вспомнил, что заснул, когда собирался лизнуть слезу.

«Ох, какая радость, оказывается, это был всего лишь сон! Эх, как я рад!»

Тигр вскочил, хвостом отряхнул бока и в свете луны радостно помчался вперёд, грудь дышала свободно, всё тело, вплоть до мельчайшего волоска, было наполнено немислимой силой, он весь дрожал.

«Ох, какая радость! Я-то думал, что тесная клетка и тупость людей настоящие, а оказалось, это всего лишь отвратительный сон. Нет ничего отвратительнее клетки.

Только это истинно, только это, я не забуду об этом до самой смерти», – с такими словами тигр безо всякой цели шёл по лесу.

Он прыгал, шёл, катался как мячик по траве, вертелся, он и сам не знал, сколько километров прошёл таким образом, а когда собрался уже выйти на равнину, он уловил необычный запах. Он мгновенно остановился, пригнувшись, и кончик его огромного носа задрожал, пытаясь понять, что это за запах.

«О, да это овцы! Где же поблизости есть овцы... Такое впечатление, что так давно их не видел...»

Говоря это, тигр мягко ступал лапами по высокой траве, а целью был запах овец.

Через какое-то время он увидел впереди огромную стену загона и услышал раздававшийся оттуда бестолковый шум. Такую же клетку тигр видел сотни раз, он много раз прыгал туда и хватал ягнёнка или телёнка, но сегодня при виде этой клетки в душе тигра разгорелось пламя невероятной ярости.

«Клетка, тесная клетка...»

С этими словами он бросился вперёд словно стрела, его рёв был страшнее грома, как молния он кидался на ограду. Подобно урагану, сносящему всё на своём пути, он обрушился на неё лапами, и клетка, опутанная как паутиной огромными колоннами, пошатнулась.

В одно мгновение эти крепкие, прочные колонны повалились, словно домик из кубиков, который сложил ребёнок, и в высокой ограде появились ворота, в которые могла бы проехать повозка.

«Эй, овцы! Милые братья, пойдёмте в мир свободы, скорее выходите из клетки!» Он с громоподобным рыком продолжал ломать загон. Однако напуганные до потери сознания овцы сгрудились в самый дальний угол загона, не двигаясь и лишь тихонько дрожа. Тигр подумал, что они боятся мира свободы и поэтому вспыхнул от гнева:

«Эх, рабы людей! Подлые рабы! Вам не нужна свобода? Тесная клетка вам ближе свободы? Жалкие рабы!»

Он бросился в толпу трясущихся овец и начал их хватать сильными лапами одну за другой и вышвыривать из загона.

Несмотря на его усилия, выпущенные на свободу овцы начали горестно плакать, как будто их режут тупым ножом, и пытались запрыгнуть обратно. Пастух и сторож были напуганы этой картиной, в недоумении смотрели, сложа руки. Постепенно к ним вернулось самообладание, и они собрались отпугнуть этого тигра. Вдвоём они начали атаку, две или три пули попали в тигра, страшно завывала свора собак и, выждав момент, набросилась на него.

«Овцы, всё-таки вы жалкие рабы. Невообразимые существа. Вы хуже тупых собак. Вы никогда не спасётесь».

Тигр словно выплёвывал эти слова, только пять или шесть овец убежали из загона в лес, и в тот же миг всё исчезло, тигр сидел перед каменным богом и плакал, зализывая раны.

«Эх, как бы мне хотелось не слышать этот горестный плач... Горестный плач раба, который будет звучать до конца мира...»

Тигр шёл мимо величественного дворца раджи¹, он направлялся к опасным горам Гималаям, его путь был долог – он мчался через Бангладеш, где густые леса не знали, что такое топор, через пустынные земли, и к тому моменту, когда он проходил мимо дворца, он уже шёл давно. Тигр часто бросал презрительный взгляд на такие высокие каменные стены и глубокие рвы.

Но в этот раз его как будто чёрт дёрнул, и он остановился перед рвом. Сердце забило, стало трудно дышать.

«Клетка, опять тесная клетка!..»

В величественном дворце вели роскошную жизнь двести красавиц, похожих на прекрасные цветы.

Проходившие мимо крестьяне завидовали этим красавицам. Молодые девушки, возвращаясь с полей, останавливались в тени деревьев перед глубоким рвом и, стоя с соломенными коробами на спинах, воображали эту роскошную и разнузданную жизнь, а потом возвращались в свои жалкие хижины. Ну и что? Тигр совершенно ясно слышал вздохи, которые издавали красавицы, тоскуя по свободе.

¹ Раджа – знатный человек в Восточной Индии (прим. автора).

Он заскрежетал зубами.

Он смотрел на высокую крышу дворца, окружённого оградой, стоя среди деревьев, под ярким солнцем, сиявшим словно золото. За оградой дворец был словно путами окружён глубоким рвом, шириной около десяти метров.

Тигр с детства испытывал отвращение к людям, с самого детства, когда он ещё питался молоком матери, но хоть и так, сейчас он не мог сдержать себя, стоило ему только подумать об этих девушках за высокой оградой, сердце стучало в груди, и трудно было дышать.

Он пару раз обошёл дворец, и, когда стоял перед железными воротами, в растерянности глядя на длинный поднятый мост надо рвом, тигр вдруг услышал, что кто-то идёт по дороге.

Тигр прыгнул в кусты, приник к земле, дожидаясь, когда люди подойдут поближе. Пышная процессия, окружённая множеством слуг, вышла из лесу. В центре процессии рабы несли два позолоченных паланкина. Один из них принадлежал радже, второй – двести первой молодой жене раджи. Тигр, о котором никто и не подозревал, тихонько шёл за ними. Он увидел довольное лицо раджи, сияющее от радости, а также двести первую молодую жену раджи, с ног до головы разодетую в шелка и драгоценности, однако лицо её было спрятано под паранджой, тигр видел лишь блеск её красивых и нежных, как весна, влажных голубых глаз. Заглянув в эти глаза, тигр невольно задрожал.

«Я точно где-то видел такой же взгляд, точно. Эти красивые, но грустные глаза дрожащей от страха... О! Точно!»

Тигр печально рассмеялся. Этот взгляд был точно такой же, как и у оленей, которых он ловил раньше.

Тигр горестно улыбнулся.

Пока он думал, процессия уже дошла до дворца. Мост медленно опустился, открылись огромные железные ворота. Двести жён раджи, прятавших лица в парандже, улыбаясь, приветствовали этих двух человек.

Мост снова развели, и ворота закрылись. Тигр уловил долгий, долгий звук закрывающегося запора.

Солнце скрылось за западными горами. Вой шакалов означал наступление летней ночи. Крыша дворца растворилась в вечерних сумерках. Тигр, как будто замороженный этой каменной стеной, в полном недоумении застыл на берегу рва.

Не всё было под силу тигру. Кто смог бы перепрыгнуть ров шириной почти десять метров и высокую каменную стену?

«Эх, не всё мне под силу...»

Прямо перед ним раздался звук, как будто кто-то убежал, а кто-то догонял, тигр уставился на каменную ограду. Внезапно на стене появилась молодая девушка с красивыми глазами и лицом, закрытым паранджой. На ней был свадебный наряд, босиком она стояла на стене, дрожа от страха всем своим прекрасным телом. Тигр понимал, что она чувствует себя, как загнанный им олень.

Девушка собиралась прыгнуть в ров. Но когда она уже собралась прыгать, вдруг увидела на другом берегу странный блеск глаз, неотрывно глядящих на неё. Подбежавший в этот момент раджа схватил её, как волк оленя, и безжалостно утащил внутрь.

До тигра лишь донёсся крик отчаяния, который издала девушка. Услышав его, тигр забыл обо всём, его тело было как будто в огне, он весь дрожал. Собрав все силы, тигр прыгнул через ров, через пару минут он взобрался по каменной стене, словно огромная кошка. Вскоре он очутился наверху. Тут он постоял немного, а потом исчез во дворце раджи.

За оградой уже наступила тишина, слышен был лишь шум фонтана и тихий шёпот цветов... Тигр постепенно успокоился, остановился, его нос подрагивал, как будто он принюхивался к чему-то.

Наполненная ароматами цветов ночь поглотила запах людей, тигр несколько раз вдохнул ночной аромат, уловив запах погони, бесшумно он шёл по просторной галерее, а потом заглянул за бархатный пол. В огромном, роскошном зале не было ни души. Тигр незаметно вошёл и огляделся по сторонам. Просторное помещение казалось наполненным изумительным светом из-за величественной обстановки и блеска драгоценностей. В большом стеклянном ящике на мраморных ступенях золотая рыбка играла с лунным светом. В одном углу зала маленькая канарейка тихонько спала на жёрдочке в роскошной клетке. Увидев это, тигр опять забыл обо всём и яростно взревел:

«Клетка, опять тесная клетка!.. Везде клетки!»

Тигр тихонько прыгнул и оказался возле клетки с канарейкой.

«Канарейка, скорее выходи, иди на волю, лети в свободный мир, прекрасный лес в лунном свете ждёт тебя!» Лёгким толчком лапы тигр сломал полклетки, канарейка испуганно задрожала и

забилась в самый дальний угол клетки. Она хлопала крыльями, пытаясь спрятаться.

«Я даю тебе свободу! Скорее лети из этой тесной клетки, лети в свободный мир...»

Но оказалось, что для канарейки нет ничего страшнее свободного мира, нет ничего более ужасного и беспокойного.

«Жалкая раба людей! Жалкая тварь! Тебе не нужна свобода?»

Тигр вытянул лапу, схватил хлопавшую крыльями канарейку и вытащил её наружу. Но канарейка уже не дышала... В лунном свете тигр недоуменно смотрел на маленькое тельце.

«Хоть и рабская душа, но милая и красивая...»

Затем, как будто вспомнив что-то, тигр положил мёртвую, холодную канарейку в центр зала, в самое светлое место, и тихонько прыгнул туда, где была золотая рыбка. Он смотрел на золотую рыбку сквозь лунный свет в стеклянном ящике.

Рыбка широко открывала рот, пытаясь съесть отражавшуюся в воде луну. Иногда она переворачивалась, сверкая животом, как будто играя с лунным светом.

Глаза тигра выражали сочувствие.

«Бедная маленькая золотая рыбка, я отнесу тебя в просторную и красивую реку Ганг с чистой водой. Я отнесу тебя к свободному бескрайнему морю... Луна там более красива. Мы вместе пойдём в свободный, прекрасный мир...»

Но золотая рыбка от страха ушла на самое дно, как будто для неё не было ничего более страшного, чем воды прекрасного Ганга, нет ничего более ужасного и беспокойного, чем просторное, свободное море.

«Рабская душа, опять раб человека, кругом одни рабы».

Тигр протянул переднюю левую лапу, чтобы схватить золотую рыбку, но рыбка, как будто смеясь над ним, легко ускользнула от него, и это разозлило тигра. Он поднялся на задние лапы, а передние полностью погрузил в воду и начал расплёскивать её.

Несмотря на это, золотая рыбка, как стрела, снова выскользнула из лап тигра.

«Низкое существо, раб человека!»

Тигр ещё более свирепо расплёскивал воду, и стеклянный ящик из-за этого потерял равновесие и с громким шумом упал на пол.

Испуганный этим шумом тигр инстинктивно отскочил к двери, не прошло и пары минут, как из-за полога в дальнем углу комнаты выскочил одетый в пижаму и вооружённый пистолетом раджа. Одно мгновенье, всего лишь одно мгновенье быстрые глаза раджи смотрели в пронизательные глаза тигра, дрожавшего от гнева...

Резкий выстрел пистолета, рёв тигра, потрясший даже фундамент дворца, последний стон человека, пронизанный жаждой жизни.

И снова наступила непостижимая тишина индийской ночи.

Раздавался лишь плеск прохладного фонтана и тихий шёпот цветов... На полу роскошного дворца в лунном свете билась в агонии золотая рыбка, двести одна жена раджи замерли, боясь дышать...

Тигр лежал перед каменным богом, зализывая глубокую рану на груди. Грудь, лапы, каждая клеточка тела ныли от боли, но он больше не собирался плакать. Он лишь глубоко, тяжело вздохнул от горя. Он не собирался молить каменного бога, чтоб тот излечил его раны, а лишь с печалью на лице погрузился в размышления. Он больше не собирался, подобно людям, просить каменного бога о помощи.

Снова наступала летняя индийская ночь, чёрный покров накрывал всё вокруг. Далёкий вой шакалов означал приближение ночи. Тигр тоже хотел заснуть, но вдалеке слышен был горестный крик птиц. Тревожная ночная тишина не давала тигру спокойно заснуть. Он поднял голову и, наострив уши, уставился вперёд.

«Что такое? Возможно, человек...

О, наверное, снова кто-то пришёл молиться... Э, оказывается, их несколько...

Несколько? Один, два, три, четыре... Ого, ужас, сколько их пришло!»

Он грустно пытался различить запахи, от этих усилий его нос тихонько подрагивал.

«Ого, а среди них есть кто-то знакомый... Но кто?

Это запах не охотника...

И не дровосека...

И не монаха, живущего на подаяние... А, узнал, это женщина с глазами оленя? А ещё есть запах раджи...

Не надо шуметь... Он уже умер... Да, уже умер. А ещё среди них брамины, один, два... Что, в конце концов, происходит?

О, тайная организация. Опять собираются сжечь женщину вместе с гробом? Вряд ли они хотят сжечь ту девушку с глазами оленя вместе с гробом раджи...»²

Тигр дрожал, говоря это.

«Так не должно быть.

В любом случае это не должна быть девушка с оленьими глазами»

Он спрятался в тени деревьев, не выдав себя движением. В этот момент лёгкий ветерок с противоположной стороны принёс новые запахи.

«А это что такое?»

Тигр тихонько повёл носом и тщательно принюхался.

«А-а, опять люди?

И запах пороха. Хм, это индийские солдаты?

А ещё белый человек, возможно, офицер...

Опасность! Кажется, они тайком окружают это место...

Чего же они хотят? Ловят кого-то?..

Не может быть, чтобы они охотились. Вон их сколько.

Наверное, больше сотни человек».

За браминами шла величественная похоронная процессия из двадцати-тридцати человек. Они остановились перед каменным богом, казалось, что брамины и сопровождающие их люди трепещут от страха, они изо всех сил пытались успокоиться, на лицах был написан ужас, в панике они смотрели по сторонам. Женщина с оленьими глазами тоже устремила в лес печальный взгляд. Тигр почувствовал, что она ждёт кого-то, ждёт, что кто-то придёт и спасёт её от рук браминов.

«Подожди меня! Ты не знаешь, что я рядом...

Позови меня»

Тигр был доволен, он радостно засмеялся.

Рабы занялись делом, и не прошло и десяти минут, как посреди прекрасного леса они сложили гору из хвороста. Девушка с оленьими глазами продолжала молиться. Этой печальной молитве, казалось, не будет конца. Брамины и остальные заволновались.

² Это ритуал сати, согласно которому после смерти мужчины вдову следовало сжечь вместе с его останками. Это старая индийская традиция. После вторжения англичан она была запрещена, но всё равно до настоящего времени осуществляется тайно (прим. автора).

«Скорее, скорее! Священный огонь ждёт тебя! Дева³ ждёт твою душу, ждёт твою чистую душу!»

Рабы в полной тишине положили роскошный позолоченный гроб раджи на гору хвороста. Девушка с оленьими глазами продолжала молиться, никуда не торопясь. Отчаявшимся взором она всматривалась в летнюю ночь, как будто в поиске кого-то. Тигр радостно засмеялся.

Маленькие глазки браминов булавками сверкали на заострённых худых лицах.

«Скорее, скорее! Махадева ждёт от тебя последнего подношения, ждёт выполнения последнего долга перед мужем!»

Рабы держали в руках факелы с пламенем, похожим на языки змей, они ждали сигнала браминов, чтобы поджечь хворост.

Девушка, похожая на оленя, бросила последний взгляд на лес, два брамина почти силой поволокли её к горе из хвороста, под колышущейся паранджой тигр увидел её лицо, которое было белее этой паранджи.

Брамины начали странную молитву. Рабы поджигали хворост.

Лёгкий дымок, похожий на последний вздох, тихо поднимался над лесом.

Тигр забыл обо всем. Он уже собирался прыгнуть в гущу людей, но в этот момент никем не замеченный красный отряд, словно стрела, вылетел на место погребения. При появлении индийской армии на лицах браминов и их сопровождающих появился ужас, они застыли на месте. А полный радости вскрик девушки, похожей на оленя, казалось, был слышен даже в Гималаях.

«Не меня она ждала, она ждала белого человека».

Он двумя лапами обхватил грудь, чтоб сердце не разорвалось от горя, чтоб полный печали и тоски вздох не вырвался из неё. Белый человек махнул какой-то карточкой, дал приказ, и девушку, похожую на оленя, сняли с костра, и он заключил её в свои объятия. Увидев это, глаза браминов засверкали, а сердце тигра как будто расколосось от боли.

От ужаса или от гнева один из браминов задрожал всем телом и, вскинув руки над головой, громко закричал:

³ Божество, далее в тексте также встречается наименование Махадева (*прим. автора*).

«Индийские боги! Вы издавна охраняете Индию! Всеми муками ада проклиная эту предательницу богов!»

Все сопровождавшие его люди начали повторять за ним: «Проклинаем эту женщину!»

«Проклинаю женщину, которая любит врага Индии, врага индийского народа, которая ослушалась нас, стоящих на службе у индийских богов!»

Сопровождающие в один голос вторили ему: «Проклинаем эту женщину!»

Услышав слова проклятия, девушка, похожая на оленя, задрожала, но белый человек с каждым проклятием прижимал её все крепче к своей груди. Радостное от победы лицо белого приблизилось к лицу девушки, тигру показалось, что он слышит слова любви.

Рабы сняли гроб раджи с погребального костра, браминов и сопровождающих увели солдаты, белый человек обнимал девушку, и этот летний сон бесследно исчез.

И лишь лёгкий дымок, похожий на последний вздох, тихо кружился в танце в воздухе.

Тигр подпрыгнул, в душе была невыносимая боль, душа пылала болезненной страстью, которую он никогда не испытывал. Он не издал ни звука, чтобы каменный бог не увидел и чтобы никто не заметил, как он бросился в высокой траве по следам людей, исчезнувших как летний сон. Летняя ночь постепенно сгущалась. Миллиарды листьев, обрамлявших луну, погрузились в глубокий сон.

Внезапно раздался чей-то пронзительный крик, разорвавший тишину ночи, вслед за этим раздалось два-три выстрела, послышался человеческий крик, как ураган ворвавшийся в тень леса. И снова наступила невообразимая тишина. Тигр тихо вышел на равнину, на дороге видны были следы крови, он взглянул на каменного бога.

«Ничего, или он ничего не ведает, или знает, но не мешает, просто для него стало всего лишь меньше одним белым человеком».

Так говорил он сам себе, прячась в тени кустов. Но у него уже не было смелости идти спать на цветах, что цвели перед каменным богом. Индийская летняя ночь чёрным покровом накрыла всё вокруг, стало очень тихо.

Далёкий вой шакалов ознаменовал середину ночи.

Внезапно, разорвав тёмный покров ночи, из леса перед каменным богом возникла девушка с оленьими глазами, её белая паранджа была откинута назад, волосы падали на её бледное лицо, в котором не было ни кровинки. Её красивые влажные глаза стали символом отчаяния, в нежных руках мелькнул острый серебряный кинжал.

Упав на колени перед каменным богом, девушка хотела вознести молитву, но все, абсолютно все слова молитв вылетели у неё из головы.

Освещённое лунным светом лицо этой девушки, забывшей слова молитвы, каменный бог никогда не забудет. Хотя бы одну фразу, но все её попытки вспомнить молитву были бесполезны, потому что она их все забыла.

«Меня прокляли именем всех индийских богов, я не покорилась воле святых браминов, я полюбила врага Индии, врага всех индийских божеств. Мне остался лишь путь в ад».

Серебряный кинжал ярко блеснул, занесённый над грудью.

Тигр взвыл, как будто острый кинжал вонзился в его грудь. Он выскочил из кустов, одной лапой поднял голову упавшей девушки и вытащил кинжал из её груди... Каменный бог стоял как и раньше, над последним жертвоприношением девушки, похожей на оленя, кровь из её раны капала на цветы. Тигр смотрел на постепенно ставшее спокойным лицо девушки и думал.

И тут он со всей отчётливостью понял: люди заперты в невидимые глазу тесные клетки, которые не сломать и сильными лапами. При мысли о клетке тигр снова разгневался.

«Люди – жалкие рабы, они – низменные существа. Но кто же всё-таки запирает их в клетки и обращается с ними как с рабами и низшими существами?»

Тигр покосился на каменного бога.

«Нет, не эта штука, он ничего не знает... Но кто же тогда?..»

Капли крови на цветах, смешавшись с росой, отражали лунный свет, загадочно мерцая подобно драгоценным камням.

«Кровь дочери раба яркая словно рубины.

Но неизвестно, какая она на вкус.

Хочется попробовать...»

Тигр снова покосился на лицо каменного бога.

«Ничего, он не узнает, попробую всего лишь капельку, только капельку...»

Он собрался попробовать каплю крови дочери раба, сверкавшую на цветке словно драгоценный камень.

В этот момент и сверкавшая как драгоценный камень капля, и каменный бог постепенно отдалились. Шум прозрачного, чистого родника, тихий разговор тысячелетних деревьев постепенно превратились в гул голосов. Аромат цветов незаметно перешёл в тошнотворный запах человеческой толпы.

Широко раскрыв глаза, тигр осмотрелся по сторонам: он лежал в тесной клетке. Тигр посмотрел вперёд, вбок – куда ни бросишь взгляд, везде видно было лишь тесную клетку и тёмную толпу тупых лиц, и больше ничего. От разочарования тигр зарычал.

«Тесная клетка и тупые лица людей – оказывается, это и есть факт...»

Зеваки вокруг зашумели, издавая возгласы одобрения: «Тигр рычит! Тигр встаёт!»

Тигр подпрыгнул, бросился на решётку клетки, но в его лапах уже не было разрушительной силы.

Он издал страшный стон, снова подпрыгнул, головой бросился на решётку и в крови упал на пол.

В этот момент зеваки, разбежавшиеся от страха, опять сгруппировались у решётки, радостно смеясь.

«Эх, эти тупые лица и глупый презренный смех...»

Тигр закрыл глаза.

Мысленным взором он увидел лицо каменного бога.

«Каменный бог!

Возьми эту кровь, пусть это будет последним подношением.

Только бы больше не видеть эти тупые лица.

Только бы не слышать этот презренный смех».

Это была последняя молитва индийского тигра индийскому каменному богу.

В этот момент глупый смех постепенно отдалился, превратившись в тихий шёпот летней ночи. Вонь толпы сменилась ароматом первобытного индийского леса. Однако тигр уже больше не мог видеть свою любимую землю, каменного бога, многолетние деревья, загадочно сверкавшую, словно драгоценные камни, кровь дочери раба. У него уже не было смелости снова открыть глаза.

Страна Радуги

1.

Хиноко была хорошей девочкой. Она всегда слушалась папу и маму, любила свою куклу Куми и кошку по имени Тама и всегда о них заботилась.

Родители Хиноко, как и все родители, были хорошими людьми. Они целый день трудились, не пили вино, не курили, зря не тратили ни копейки. Они обожали Хиноко, однако девочка никогда не наедалась досыта. А уж сладости она ела меньше, чем три-четыре раза в год – только в Новый год, в праздник Уллабана и другие праздничные дни.

Старшая сестра, старший брат Хиноко и два её младших брата умерли, не дожив до семи лет. Доктор сказал, что это всё от недоедания.

Хиноко исполнилось десять лет. С каждым днём она таяла, словно свеча. Глядя на неё, мать печально говорила отцу: «Наша девочка тоже родилась под несчастливой звездой, и имя у неё не предвещает счастья. Давай дадим ей другое имя, как ты на это смотришь?»

«Мы все несчастливые, все родились под несчастливой звездой. Но есть более понятная причина наших несчастий!» – отвечал отец, грозно размахивая кулаками, его глаза страшно сверкали.

Однажды одна богатая женщина сказала: «Жаль, что такая сообразительная и добрая девочка живёт в такой нищете. Она захотела удочерить Хиноко. Женщина говорила, что даст Хиноко любую еду, какую та пожелает, сошьёт любую прекрасную одежду. Родителям

Хиноко было горько расставаться с дочерью, однако, если думать о самой девочке, то ей лучше жить в богатой семье, а не в такой бедной. Поэтому они согласились сделать так, как говорила эта женщина. Услышав это, Хиноко расстроилась и сказала: «Если я не могу жить с мамой и папой, то лучше умру!»

Отец попытался её соблазнить: «В богатой семье каждый день можно есть пирожные и фрукты, носить красивые платья, весело играть с другими девочками, похожими на кукол, в роскошной гостиной». Хиноко по-прежнему не обращала внимания на эти слова.

«Если папа и мама не могут есть досыта, то мне не нужны красивые платья. А если бы они у меня были, то не доставляли бы радости. Я не хочу, чтобы меня дарили той богачке. Скорее откажитесь! Почему, если она такая сердечная, то хочет увести меня? Ох, скорее откажитесь! Я не хочу! Не хочу!» – говорила Хиноко.

Девочка постепенно чахла. Доктор сказал, что это малокровие, вызванное недоеданием, и поправиться она может, если будет много есть.

Богатая женщина, которая уже считала Хиноко своей дочерью, узнав, что девочка больна, послала ей пастилу из боярышника, пирожки с персиками и другие вкусные сладости. Бедная Хиноко увидела все эти подарки и радостно заулыбалась. Мать подогрела воду, бросила в неё чайные листья, а сладости положила в красивую миску, подаренную в марте для куклы⁴, и сказала Хиноко: «Поешь побольше!» Отец тоже улыбался, глядя на эти подарки. Поначалу дочка взяла одну пастилу, но тут лицо её внезапно стало печальным, и она положила пастилу, которую хотела съесть, обратно в тазик. Мать грустно спросила: «Что случилось, Хиноко? Почему не ешь?»

«Я не могу это есть. Я чувствую себя виноватой, что не могу есть все эти сладости вместе с Ханакко, Аико и Митико. Мне кажется, что я не должна есть эти подарки одна, без друзей», – твёрдо сказала Хиноко.

Отец с матерью переглянулись, однако мать ни слова не промолвила и вышла наружу, а отец обнял дочь и погладил её по голове.

«Папа! А где есть страна, в которой рабочие не бедствуют? Где

⁴ В Японии каждый год 3 марта празднуется Хинамацури («Праздник кукол») (прим. автора).

есть такая страна, в которой дети рабочих едят досыта, носят красивые платья и живут в домах, крыша которых не протекает и которые не пропускают холод и стужу?» – спросила Хиноко у отца.

«А... – сказал отец, слегка наклонив голову. – Есть, такая страна действительно существует и называется она – Страна Радуги».

«А мы, папа, сможем, туда попасть?» – спросила Хиноко, сверкая глазами.

«Конечно!» – уверенно ответил отец.

«Когда мы сможем попасть туда?»

«Хоть сейчас!» – отец говорил тихим, но резким голосом, губы его дрожали.

В этот момент в комнату вошла мать вместе с детьми соседей. Дети болтали с Хиноко, поедали сладости, пили чай. Отец Хиноко гладил детей по голове и рассказывал им историю о Стране Радуги. Ребятишки, открыв от изумления рты, с интересом слушали удивительную историю.

Отец продолжал свой рассказ: «Путь в эту страну труден. Чтобы туда попасть, надо перейти мост из Радуги, а это очень тяжело. Но не обязательно туда идти. Когда вы вырастаете и будете трудиться, наша страна будет такой же, как Страна Радуги». Слушавшие его дети потом играли до самой ночи.

После этого здоровье Хиноко продолжало ухудшаться. Мать плакала, прислонившись к плечу мужа. А отец, глядя на спящую в кровати Хиноко, лишь сжимал кулаки и печально молчал.

Хиноко, лежавшая на больничной койке, смотрела через окно на небо. Она молчала, положив рядом с собой куклу Куми и кошку Тама. Доктор выписывал ей разные лекарства и говорил, как и раньше: если она будет много есть, то полностью поправится.

После этого прошло три дня, и все это время шёл дождь. В полдень четвёртого дня небо наконец прояснилось. Солнце, словно сочувствуя людям, страдающим от дождя, показало из-за облаков своё лучистое лицо. Хиноко страдала без солнца и поэтому была очень ему благодарна. Купленные отцом розы опустили головки, источая аромат, как будто жалея о короткой молодой жизни.

Хиноко любила эти розы. Она сокрушалась о том, что завтра они, возможно, завянут, и поэтому поцеловала их. Девочка подняла голову и увидела, что через всё небо прямо к окну её палаты протя-

нулся мост из Радуги. Она подумала: «Как красиво!» На какое-то мгновение она растерялась. Ей показалось, что мост сейчас исчезнет, но тот не исчезал. Эта Радуга была удивительно прекрасна, она постепенно становилась всё более яркой. Хинокко вспомнила, как отец рассказывал, что в Страну Радуги можно попасть, перейдя по мосту Радуги. Возможно, больше не будет такой возможности попасть в Страну Радуги, к тому же этот мост пересекает небо и подходит прямо к моему окну. Если сегодня не пойти, то потом вряд ли представится такой случай! Хинокко встала с кровати и подошла к окну. В этот момент мост засиял ещё ярче всеми семью цветами, будто приветствуя девочку. Опершись о подоконник, Хинокко поставила одну ногу на мост. Мост из Радуги даже не шелохнулся, он казался очень надёжным. Тогда девочка второй ногой ступила на мост, пошла, тихо считая шаги: «Раз, два, три...» Дрожа от страха, она шла по мосту из Радуги всё дальше.

Поначалу Хинокко была смущена, на душе было тяжело, казалось, её вот-вот вырвет. Но стоило ей только поднять глаза, как все тревоги исчезли. Хинокко подбадривала себя словами: ничего страшного, не надо бояться упасть, а можно было бы идти и ещё быстрее. Её переполняла энергия, она упорно шла вперёд, чувствуя, что ноги становятся всё сильнее. Как будто во время соревнований в школе, девочка размахивала руками, её волосы развевались на ветру, она шла и смеялась, глядя на луну. Через какое-то время Страна Радуги смутно показалась вдали.

Хинокко говорила сама себе: ещё немного, ещё немножко! И наконец она дошла до Страны Радуги. Обернувшись назад, она, смеясь, сказала:

«Мама! Я уже в Стране Радуги!»

Мать Хинокко, увидев, что дочка крепко спит, подумала, пусть поспит, пока отец не вернулся с завода, и пошла готовить ужин.

Приготовив ужин, мать немного отдохнула, а потом зачем-то подошла к окну и увидела огромный и прекрасный мост из Радуги, который упирался в окно.

Эх, какой красивый радужный мост!

Мост, по которому можно попасть в Страну Радуги.

...Счастье... Оно есть только там...

Мать волей-неволей подумала об этом.

В её непонятно из-за чего печальных и красных от усталости глазах стояли слёзы.

В оцепенении она смотрела вдаль.

Ей показалось, что на другом конце радуги она видит силуэт Хиноко.

Это же действительно Хиноко!

Хиноко непрерывно махала матери рукой.

Послышался её голос: «Мама! Я уже в Стране Радуги!»

«Ох, как странно!» – с такими словами мать пришла в себя. Мост, который она только что видела, исчез, и только слышен был крик Хиноко.

«Ай... ай...»

Мать вошла в комнату, на ходу спрашивая дочь:

«Хиноко, ты уже встала?»

Она вглядывалась в лицо дочери. Оно было исхудавшим, спокойным, словно восковым, но оно сияло от радости, которую уже ничто не могло стереть с него. Белая роза, стоявшая рядом, благоухала, как будто жалея о расставании с молодой жизнью.

«Хиноко! Хиноко! Хи..но..ко...» – несколько раз позвала мать, но Хиноко не отвечала. Её милый, нежный голосок уже больше никогда не прозвучит в этом мире.

Уже всё поняв, мать сказала: «Эх, она улыбается... Она уже в Стране Радуги! Будь же весела и счастлива!..»

И она опять подошла к окну.

«Я дома!» – раздался голос отца.

«Что случилось?» – спросил он, увидев жену, стоявшую у окна.

Мать ничего не сказала, а лишь указала рукой на Хиноко.

«Ох... Она умерла?»

«Нет! Она ушла в Страну Радуги!»

На лице отца отразилась радость, он посмотрел на спокойное лицо дочери, он встал на колени и с нежностью поцеловал её в холодный лоб.

«Для тебя это действительно хорошо... По сравнению с жизнью...»

Отец говорил тихо, но глаза его сверкали.

Мать нежно положила руки на плечи мужу, тоже подошедшему к окну:

«Эй!»

«Что?»

«...»

«Давай разведёмся...»

«А, ты с ума сошла? Почему ты заговорила об этом именно сегодня?» – изумлённо спросил отец.

«Нет, я не сумасшедшая! – мать указала рукой на тело Хиноко, – это уже пятый... Дети умирают с голода, я не хочу больше рожать детей. Ведь всё заканчивается одинаково. Я поняла, что не должна больше давать жизнь детям, чтоб они не умирали с голода. Ведь это же жестоко! Ведь это же безнравственно! Так, возможно, поступают звери, но не люди! Я считаю, что мы, рабочие, не имеем права рожать детей!

Я не разлюбила тебя, я люблю тебя так же, как и раньше! Но уже пятый наш ребёнок умер от голода, это невозможно вынести. С меня достаточно! Это уже слишком! Ты можешь взять в жёны другую женщину, а я готова одна прожить всю оставшуюся жизнь!»

Глаза отца странно сверкнули, его кулаки дрожали, яркая кровь упала с прикушенной губы на татами⁵.

Заходящее на западе солнце было красным, словно кровь.

Муж и жена продолжали молчать, глядя на закат.

Отец тихо сказал: «Эх, возможно, завтра к утру настроение переменится и станет другим!»

Лицо Хиноко было чистым, спокойным и счастливым. Маленькая белая роза, стоявшая рядом, благоухала, как будто жалея о расставании с молодой жизнью.

⁵ В Японии в жилище на пол стелют мат, шириной 90 см, длиной 180 см, высотой 5 см. Такой мат называется татами.

Сердце орла

Нет более достойной и свободной птицы, чем орёл. Нет более сильной и храброй птицы, чем орёл. И нет никого среди животных, кто так же любил бы высокие, безлюдные горы. Орла называют царём птиц. Хотя в мире людей, чтобы быть царём или героем, не требуется проявления силы и храбрости, в стае орлов героем не может стать даже тот, у кого большие крылья и клюв. Это древний обычай орлов.

Любой орёл может стать царём или героем, поэтому орлы уважают друг друга. Их правители не будут, подобно людям, использовать силу и ум своих подданных, чтобы захватить власть, не будут раздувать скандал из-за пустяков. Совместными усилиями они делают свои крылья и клювы сильнее, а когти и зрение острее. Что же до того, чтоб запугивать или льстить друг другу – такого среди орлов не было испокон веков.

Орлы издревле отличались от людей. Унижать слабых, угнетать слабых, использовать их силу и ум в своих целях – все это древний обычай людей, который был почти всегда. А так как сильные всегда владели силой слабых, то они не могли быть по-настоящему свободными, а слабые были глубоко несчастными.

1.

Рассказывают, что одна горная страна была захвачена соседним крупным государством. В дальнейшем эти две страны постоянно враждовали. А на самой высокой вершине горной страны вели счастливую жизнь орлы. Эти орлы на протяжении многих тысячелетий лелеяли одну мечту. Они мечтали полететь к солнцу – всегда тёплому и всегда ярко сияющему. Они верили, что если каждый день изо всех сил тренироваться летать вверх, то через несколько десятков тысячелетий их сыновья и внуки, вероятно, смогут долететь до солнца. Они тренировались из поколения в поколение, поэтому крылья у молодых орлов были сильнее, чем у их предков, и они твёрдо верили, что их мечта осуществится.

*Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!
Стремление к солнцу даёт орлам силу,
В полёте к солнцу – счастье орлов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – тёмная и тесная клетка,
Внизу – мёртвое царство рабов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – мир слабых,
Внизу – бессмысленный мир людей.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!*

Это – песня-наставление, которую с давних времён матери-орлицы пели своим птенцам. Неизвестно, с какими чувствами слушали эту песню притесняемые жители горного государства. Царь орлов жил на самой высокой и самой безлюдной скале. У них с царицей было два очаровательных наследника. Каждое утро царь брал старшего сына, а царица – младшего, и они все вместе шли к обрыву. Отсюда царь сталкивал сыновей вниз, и, когда они уже были почти

у самого дна, он хватал их и возвращал обратно на обрыв. Этот урок повторялся каждое утро. Позднее сыновья царя уже могли совершенно свободно взлетать на скалу и лететь с неё вниз. Царь с женой с удовольствием смотрели на них. Потом они взяли сыновей и поднялись с ними высоко-высоко в небо, чтобы научить их лететь вниз с такой высоты. Поначалу у детей кружилась голова, но после многочисленных тренировок их крылья постепенно окрепли, и они уже могли спокойно возвращаться в родное гнездо с любой высоты. Однажды орёл сказал жене: «Сегодня нужно научить детей спускаться на дно самого тёмного ущелья». Они вместе с детьми поднялись как можно выше и подтолкнули их вниз. Оба орлёнка прикладывали все усилия, но уже на полдороге крылья их обессилели. Младший брат закричал: «Брат, у меня уже нет сил!» Старший брат собрал оставшиеся силы, чтобы спасти младшего. Далеко в вышине царь и царица захлопали крыльями, подбадривая их. И в этот момент неизвестно откуда взявшееся облако заслонило детей от родителей. Царь с женой испугались, быстрее, чем стрелы, они бросились вниз, пролетели сквозь облако в ущелье, но было уже поздно. Старший брат, помогавший младшему, тоже обессилел, задохнулся и камнем упал вниз. Когда царь и царица уже собирались забрать бездыханные тела своих детей, внезапно показался охотник с двумя сыновьями с намерением схватить орлов. Царь с супругой сражались, чтобы защитить своих детей, но охотник был слишком силен и, к тому же, они считали, что орлята уже погибли, поэтому они оставили детей и взмыли в небо. Однако орлята на самом деле не были мертвы. Они снова начали дышать, когда охотник принёс их в свой дом. Охотник подрезал им крылья и подарил по одному орлёнку каждому из своих сыновей. Старшему сыну охотника в тот момент было семь лет, а второму – шесть, они полюбили маленьких орлят и везде ходили с ними. Но охотник строго-настрого запретил им ходить с орлятами в горы. Люди, жившие в горной стране, услышав, что в ущелье упали два орлёнка, посчитали это хорошим предзнаменованием и радовались этому. Они втайне надеялись, что вскоре прилетят два орла, чтобы спасти эту страну, поэтому охотнику было велено хорошенько присматривать за орлятами. Но не прошло и семи дней, как случилось непредвиденное – пропал младший сын охотника. По рассказам его друзей, с неба словно молния прилетел огромный орёл и схватил

его. Все были напуганы. Но спустя два-три дня снова случилось непредвиденное – на этот раз пропал старший сын охотника.

Все жители горной страны обсуждали это происшествие, и только охотник хранил молчание. Он, как и прежде, заботливо ухаживал за орлятами. Поначалу они печалились, им казалось, что уж лучше смерть, чем жизнь в неволе. Однако старший орлёнок с нежностью заботился о младшем брате, а тот в ответ утешал его. Все дети деревни очень бережно к ним относились, и они постепенно привыкли к человеческому обществу и даже полюбили людей. Единственное, что было им невыносимо, – то, что они были привязаны длинной цепью к ясеню.

2.

Прошло пять лет. Молодые орлы стали взрослыми, их крылья окрепли. Как раз в тот день, в который пять лет назад они упали в ущелье, охотник отомкнул замок и отнёс их на высокую гору, оставил там и молча вернулся домой.

Услышав о том, что двух орлов отпустили на свободу, все жители горной страны подняли крик. Этот крик ещё не затих, как с гор спустились давно пропавшие два сына охотника.

Они сильно изменились, поначалу в них никто не признал сыновей охотника. Они были без одежды, с длинными волосами, крепкими, как камень, телами, руки и ноги у них были твёрдые, как железо, взгляд острый, носы изогнуты, как клювы у орлов, зубы – большие, как у волков, ногти – как когти тигра. Жители горной страны изумились при виде их, с огромным интересом они приходили каждый день послушать их рассказы. Они рассказали, что их похитил царь орлов, отнёс к себе в гнездо и там воспитывал, и царь, и царица дорожили ими. Каждый день супруги-орлы брали их к себе на спины, летели высоко в небо, потом бросали детей вниз, в облака, а затем подхватывали их. Кроме этого было ещё много удивительного. Так рассказывали сыновья охотника, а те, кто их слушал, не знали, правда это или ложь. Среди жителей горной страны никто не умел скакать на коне, лазать по горам и плавать лучше, чем сыновья охот-

ника. И никто так не любил свободную жизнь, как они. Эти братья прекрасно знали, чем можно воспламенить сердца жителей горной страны, и когда они не могли словами выразить значение слова «свобода», издавали орлиный крик.

Они научили жителей горной страны песне орлов:

*Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!*

Они были и правда необычными детьми. Угнетаемые жители горной страны стали называть их «Орлиные сердца», и при виде этих ребят в их душах поднялась неведомая волна надежды.

3.

В другом доме царь и царица орлов, естественно, были очень рады тому, что их дети вернулись домой живыми, но, осмотрев их крылья, клювы, глаза и когти, они увидели, что всё это стало непригодным для жизни. Царь и царица увидели, что их крылья и клювы стали слабыми, глаза и когти потеряли остроту, какое же это было горе! К тому же храбрость орлят и их любовь к свободе, как могли заметить царь с супругой, как-то потухли.

Каждый день царь с царицей яростно тренировали детей, каждый день царица пела им:

*Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!*

Она изо всех сил старалась поднять их упавший дух, чтобы они смогли в будущем стать сильными и смелыми царями орлов. На протяжении десяти лет, изо дня в день, они старались вывести из душ

своих детей все человеческое. И когда орлята наконец стали летать выше родителей, а когти и глаза стали острее, то лишь их сердца неуловимо отличались от сердец орлов, были слабыми, как человеческие сердца. Когда молодые орлы летели к солнцу, они поглядывали вниз. И когда они парили в бескрайней вышине, их сердца как будто были привязаны к тому горному ущелью. И даже когда они поднимались выше других орлов, то уже не издавали самодовольный, победный клич. Был слышен лишь тихий, печальный крик тоски по жизни в долине. Иногда сыновья царя два-три дня не выходили на охоту и ничего не ели. Или схватив кого-нибудь, отпускали его. Их родители, услышав о таком от других или увидев это сами, очень сильно страдали. Друзья молодых орлов с презрением отзывались о них и дали им прозвище «Человеческие сердца». Царь с женой часто ругали детей, называя их позором своего рода. Однажды старший сын после своего свободного парения в вышине вернулся домой и печально сказал отцу: «Отец, извечная мечта орлов о полёте к солнцу на самом деле глупость. Это бессмысленное занятие. И даже если можно было бы долететь до солнца, то орлы не обязательно были бы счастливы. Отец, я сегодня решил долететь до солнца, выбиваясь из сил, я взлетел очень высоко, но чем выше я поднимался, тем холоднее становилось. Чем выше, тем хуже видели глаза, и, в конце концов, начала кружиться голова. Почти без сознания я упал вниз. Чем ближе к солнцу, тем холоднее, я точно знаю это, так что я больше не буду подниматься к солнцу».

После этих слов сына царь орлов, назвав его «Человеческим сердцем», схватил когтями за горло. Молодой орёл лишь издал печальный крик, полный любви к жизни внизу. Он не сопротивлялся и умер в когтях своего отца. В тот же день младший сын вернулся домой и, сев возле царицы, сказал: «Мать, я больше не хочу летать к солнцу. Это совершенно бесполезно. Я решил отправиться вниз, в долину, свить себе гнездо в ветвях дерева и мирно жить рядом с людьми и их животными. Я не верю, что счастье орлов в том, чтобы лететь к солнцу. А в дружбе людей есть счастье, это я испытал на себе».

Услышав это, мать воскликнула: «Подлое Человеческое сердце!». Кинулась на сына и когтями вцепилась ему в горло. Сын издал лишь крик, полный любви к долине и людям. Он не сопротивлялся и умер в когтях своей матери. В ту же ночь царь с женой отнесли своих умер-

ших сыновей вниз, в долину, и положили перед дверью дома охотника, который когда-то выкармливал их, но с тех пор в их любимой песне:

*«Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!»* –

как будто звучало предостережение о «человеческих сердцах».

Утром, когда жители горной страны обнаружили тела молодых орлов, они опять подняли крик. Как раз в это время народ этого государства под предводительством братьев по прозвищу «Орлиные сердца» поднял восстание против того огромного государства. У двух полководцев «Орлиных сердец» были разработаны хорошо продуманные планы, жители соседнего государства не могли ничего придумать, чтобы противостоять им, и должны были потерпеть поражение. А сейчас при виде двух убитых орлов люди хоть вслух и не произносили, но в душе думали, что это предзнаменование поражения восстания. Девушки из горной страны украсили тела орлов прекрасными цветами и пропели им песню смелых, которой их обучили братья «Орлиные сердца»:

*Мы любим солнце,
Мы поднимаемся к солнцу!
Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!*

Затем орлов похоронили как национальных героев.

4.

В столице соседнего государства царило оживление, все дома были украшены фонарями и флагами. Звуки хлопучек, весёлая музыка были слышны издалека. Горожане нарядились в свои лучшие одежды, ходили туда-сюда, покачивая фонарями и флагами. Улицы города

напоминали прекрасные гирлянды. На лицах людей была радость. И только стоявшая посреди самой главной улицы плаха казалась печальной и скорбной. Люди, собравшиеся на открытом пространстве, запели гимн страны, как будто ожидая чего-то. В тот вечер на этой плахе должны были казнить двух братьев по имени «Орлиные сердца». Все вокруг обсуждали горную страну, и тут издали послышалось: «Преступников ведут! Преступников ведут!» Тут же воцарилось молчание. Показались два брата под конвоем солдат. Люди хранили молчание, на площади стало тихо, как в могиле. Лишь слышна была дробь барабана. Братья по прозвищу «Орлиные сердца» улыбались. Их глаза были наполнены безграничной отвагой, а также силой, зажигающей сердца всех людей. Улыбаясь, они взошли на плаху. Дробь барабана оборвалась. Люди, затаив дыхание, смотрели на братьев «Орлиные сердца». А братья, ничуть не дрогнув, смотрели в небо. В это момент воздух как будто задрожал, послышался победный крик орлов. В мгновение ока с неба словно молнии прилетели два огромных орла – горожане никогда не видели таких огромных орлов – они схватили братьев «Орлиные сердца» и так же быстро взмыли в высь. Люди замерли, как будто окаменели. Над площадью повисла могильная тишина. Над головами людей послышалась песня:

*Внизу – тёмная и тесная клетка,
Внизу – мёртвое царство рабов.
Не надо лететь вниз,
Не надо смотреть вниз!
Внизу – мир слабых,
Внизу – бессмысленный мир людей...*

5.

Во время пира в честь победы в соседнем государстве в горной стране, потерпевшей поражение, царила тишина. Страшное горе была на душе у всех женщин, потерявших мужей и сыновей. Все только и говорили о том, что эта ночь – ночь казни героев, братьев «Орлиные сердца». Женщины вместе с детьми пришли к двери дома,

где когда-то жили братья. Кто может понять ту печаль, что была у них в душе? И, несмотря на эту печаль, матери вели оставшихся детей высоко в горы, чтобы они посмотрели на жизнь орлов, молились все вместе о спасении этой горной страны и тоже получили «орлиные сердца». Стояла тишина, звёзды безмолвно мерцали в небе, и в этой ночной тишине, как ответ на молитвы, неизвестно откуда слышалась песня:

*Не надо двигаться вниз,
Не надо смотреть вниз!
Стремление к солнцу даёт орлам силу,
В полёте к солнцу – счастье орлов.*

Прошу тех, кто прочитал этот рассказ, тоже помолиться о том, чтобы у всех, кто спасает мир, были «орлиные сердца».

*Стручалина Галина Валерьевна,
ассистент кафедры международных отношений
ИМКиМО НИУ «БелГУ», преподаватель,
поэт-переводчик*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СКАЗОК В.Я. ЕРОШЕНКО

В 2015 году исполнилось сто двадцать пять лет со дня рождения Василия Яковлевича Ерошенко, писателя, поэта, музыканта, педагога, путешественника, человека, много сделавшего для того, чтобы представители разных стран и культур могли лучше узнать и понять друг друга, человека, всей жизнью доказавшего, что ограниченные физические возможности не должны быть преградой: ни на пути к осуществлению своей мечты, ни в обществе, в отношениях между людьми.

В юбилейный год об этом выдающемся и очень скромном человеке Санкт-Петербургскими кинематографистами был снят документально-постановочный фильм «Василий Ерошенко. Дорога к солнцу» (кинокомпания «АТК-Студио», режиссёр Екатерина Дорофеева). Силами народного самодеятельного кукольного театра «Сказ» из Старого Оскола по сказочным произведениям писателя-земляка, уроженца села (слободы) Обуховка, Старооскольского района поставлен спектакль.

В Японии, в Токио в конце декабря собрались участники группы эсперантистов, незрячих и тифлопедагогов комитета по празднованию 125-летия В.Я. Ерошенко «Ерошенко-125». К юбилею комитетом впервые был издан сборник статей и эссе Василия Ерошенко. Помимо текстов самого Ерошенко на японском и эсперанто, в брошюре вошли статьи японских, китайских, российских и украинских авторов-исследователей творчества и биографии писателя; открывается книга статьёй заведующей Домом-музеем В.Я. Ерошенко Т.С. Новиковой «Об экспозиции Дома-музея В.Я. Ерошенко в Обуховке». В самом доме-музее в юбилейный год реализован совместный с Обществом слепых проект «Жил, путешествовал, писал...», включающий различные мероприятия, посвящённые памяти писателя, популяризации его наследия и продолжению его служения людям.

В Загребе (Хорватия) 125-летие В.Я. Ерошенко отметили юбилейным вечером и конференцией «Хорватские плоды пребывания Василия Ерошенко в Пекине».

Белгородская государственная специальная библиотека для слепых им. В.Я. Ерошенко проводит региональные Ерошенковские форумы, цель которых – содействие формированию активной жизненной позиции у людей с дисфункцией зрения, сохранение и популяризация тифлопедагогического и творческого наследия В.Я. Ерошенко. К участию в форуме приглашаются представители общественных организаций инвалидов, специалисты департаментов и управлений, работающих с инвалидами, преподаватели и студенты ВУЗов, педагоги общеобразовательных учреждений, специалисты публичных библиотек области, читатели библиотеки.

В областном центре, в издательстве «Константа» ещё в 2014 году, при поддержке администрации области и при участии Белгородской государственной специальной библиотеки для слепых им. В.Я. Ерошенко, вышла «Книга сказок» писателя с новыми переводами его произведений (переводчик Е.И. Митькина, г. Санкт-Петербург).

Переводы этого издания выполнены с китайского языка, на который, в свою очередь, были переведены с японского (языка публикации) – ещё при жизни автора и при непосредственном общении китайских переводчиков с ним.

Нужно отметить, что большинство сказок Ерошенко на китайский язык перевёл публицист и общественный деятель, писатель, классик китайской литературы XX века Лу Синь, которого с молодым сказочником из России связывало не только творческое сотрудничество, но и личная дружба. Сборник сказок В.Я. Ерошенко, подготовленный Лу Синем, вышел в Шанхае в 1922 году.

Три текста, три сказки из шанхайского издания и «Книги сказок» 2014 года входят в данную книгу.

Мы бы хотели обратить внимание на ряд особенностей творческого метода писателя и обусловленную ими направленность работы над произведениями в ходе их изучения на уроках словесности.

Сказки Василия Ерошенко просты и сложны одновременно. У них динамичный и понятный юному читателю сюжет, обычно с экзотическим восточным колоритом, притягательным именно своей экзотичностью, но в то же время присутствует и сложное, ассо-

циативно разветвлённое наполнение: политический, социальный, нравственно-философский подтекст, который не всегда открывается даже читателю взрослому. Поэтому трудно определить, в каком возрасте следует братья за тексты Ерошенко: в средней ли школе, в старших классах?

Нам видится гибкий подход к решению этого вопроса: сказки Ерошенко следует читать в любом возрасте, но в каждом конкретном случае – обращать внимание на разные аспекты, соответственно читательскому восприятию и задачам, которые ставит перед собой изучение текста.

По воспоминаниям самого В.Я. Ерошенко, его знакомых, товарищей по обучению в школе для слепых, в детстве его, как и всякого мальчишку, увлекали рассказы о других странах, о путешествиях и приключениях. Эти рассказы читали незрячим ученикам учителя после уроков и открывали для детей мир, который они в другое время не могли почувствовать и узнать иначе, чем кончиками пальцев прикасаясь к рельефу на специальном глобусе.

Узнавать географию, историю, этнографию не из учебника, а по художественным произведениям, мысленно устремляясь за героями рассказов, сопереживая их приключениям, всегда было интересно школьникам. С этого можно и начать изучать творчество Ерошенко, писателя, поэта-путешественника. Проложить на карте маршруты его поездок в Европу и Азию, найти описание стран, которые посетил Василий Яковлевич, обсудить, что бы он мог узнать об этих странах во время путешествий, с чем столкнуться (климат и мир природы, нравы и порядки, язык, религия, транспорт и бытовые условия проживания и т.п.).

Прочтение сказок можно объединить с творческими проектами школьников (презентациями, конкурсом иллюстраций и поделок, викториной-путешествием по странам и городам и т.д.)

Однако путешествие, особенно в одиночку, в каком бы возрасте оно не совершалось, всегда сопряжено с испытаниями, с внутренним взрослением. Сказки Ерошенко подтверждают это. Все три истории: «Тесная клетка», «Сердце орла», «Страна Радуги» не назовёшь весёлыми. Но и грустными их назвать нельзя; они скорее «трудные», в том смысле, что прочтение заставляет трудиться интеллектуально и нравственно. И этого труда не нужно бояться и избегать, наобо-

рот, стоит научить ему школьников: сопереживать горю родителей болящей девочки Хинокко и вместе с ней радоваться возможности поделиться самым дорогим с друзьями («Страна Радуги»), быть смелыми, стойкими перед лицом опасности, верным своей стране («Сердце орла»), возмущаться жестокости, властолюбию и жадности и восхищаться благородством, способностью к самопожертвованию («Тесная клетка»).

Все три истории учат ценить жизнь, но через её потерю. Чтобы юный человек в своё время смог достойно принять нелёгкий опыт, который рано или поздно появляется у каждого, стоит готовить его заранее, развивая эмоциональную отзывчивость в ребёнке. Но в задачу преподавателя словесности входит не только научить чувствовать, но и научить говорить о своих и чужих чувствах, подбирать нужные слова, понимать душевные движения в себе и в окружающих.

Если в начале обучения с должным вниманием относиться и к чувствам, и словам, в которых они выражаются, такое сложное и значимое явление в искусстве и литературе как психологизм (а вся «большая» литература наполнена им) будет школьникам понятно и близко, а значит, будут близкими сюжеты и герои, темы, проблемы, идеи сложных, «взрослых» книг.

Сказки В.Я. Ерошенко необычны ещё тем, что добро и зло в них не разделены чёткой линией, герой или персонаж не может (и не должен!) восприниматься как однозначно положительный или отрицательный. Истории, рассказанные языком фантастики, оказываются диалектичными, как сама жизнь, и в этом проявляется реалистическое видение автора. Такой – своеобразный – реализм сочетается у Ерошенко с юношеской идеалистической мечтой о счастье для всех людей и революционной, протестной романтикой, и часто бывает не просто разобраться, каков он, настоящий взгляд автора.

Проблема сложного нравственного выбора, оценки противоречий, разумеется, не относится к насущным задачам младших и средних классов школы. Но с учащимися старших классов разговор на эти темы уместен.

Для автора характерен приём, когда он направляет читателя по пути стереотипов, характеризует героя с положительной стороны и вдруг, совершенно неожиданно показывает происходящее с другого

ракурса, словно противореча самому себе как рассказчику.

Например, в сказке «Тесная клетка» с первых строк читатель проникается симпатией к герою – тигру, запертому в клетку на потеху глумящейся толпе. И далее эта симпатия растёт: когда тигр в мечтах переносится в джунгли, и когда история перешагивает границы анималистической сказки и становится обличительной притчей, направленной против угнетателей самой свободы, чувства собственного достоинства во всяком живом существе, и против тех, кто добровольно принимает такое угнетение в обмен на относительные безопасность и комфорт своего существования.

Однако в тот самый момент, когда читатель более всего сочувствует тигру, отвергнутому в своём порыве дать свободу окружающим его животным и несчастному от чувства ревности и неразделённой любви, автор заставляет своего героя совершить убийство и отведать человеческой крови. И в этот миг исчезают воображаемый мир джунглей и призрачная свобода, и тигр снова оказывается в клетке – обозлённым и уставшим диким зверем, бессильно рычащим перед улюлюкающей толпой.

Не таким ли «зверем» является окружающим Родион Раскольников, в мечтах – борец за идею, а в глазах общества – убийца и вор? Вспомним один из его разговоров с Соней:

– Что же, что же делать? – истерически плача и ломая руки, повторяла Соня.

– Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймёшь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это!» (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»)

Раскольников не может воплотить эту свою идею о свободе, даже через жертвенное убийство и жертвенное наказание за него, поскольку сам является её пленником; так и тигр из сказки Ерошенко – не может выбраться из клетки, даже с помощью воображения, и не находит сил для ответа на мучительный вопрос, кто же запирает людей в невидимые глазу тесные клетки, которые невозможно сломать и сильными лапами.

Проблему трудного выбора содержит и сказка «Страна Радуги». Любящие, но бедные родители, чтобы спасти своего ребёнка от бо-

лезни и смерти, готовы отдать дочь в состоятельную семью (надо сказать, для стран Азии – в том числе Японии, в которой происходят события сказки, – подобное явление не было редкостью). Ребёнок категорически отказывается, и родителям приходится принять выбор девочки и наблюдать её медленное угасание.

Сцена смерти Хиноко, её уход в Страну Радуги, подобна сценам катарсиса в сказках с грустным финалом: «Русалочке» и «Девочке со спичками» Г.Х. Андерсена, «Мальчике у Христа на ёлке» Ф. М. Достоевского. Однако сказка В.Я. Ерошенко, вопреки ожиданию читателя, не заканчивается на светлой и щемящей ноте: трогательную сцену с рефреном о белой розе, «благоухающей, как будто жалея о расставании с молодой жизнью», оттеняет (в прямом и переносном смысле) и даже разрывает диалог родителей Хиноко.

Мать предлагает отцу развестись, считая, что рабочим, то есть беднякам, иметь детей, которых они не в состоянии прокормить и вырастить, – безнравственно. Отец молча закусывает губу до крови, его дрожащие кулаки и взгляд выдают сильнейшее душевное напряжение, но в итоге он произносит загадочную фразу: «Эх, возможно, завтра к утру настроение переменится и станет другим!»

Что это? Намёк на то, что к утру горе женщины успокоится, рассудок и привычка возьмут верх, супруги останутся вместе, и, возможно, спустя какое-то время в семье снова появится ребёнок (уже шестой, после пяти умерших от недоедания)? Или же доведённые до последней черты нуждой и душевными страданиями «хорошие люди» (а так характеризует родителей Ерошенко в начале сказки) решатся на что-то отчаянное? Что выберут они: бунт (сказка написана в революционное время, и Ерошенко разделял взгляды революционеров) или традиционный для этических установок Японии выход из сложной нравственной проблемы – самоубийство?

Понимание психологического подтекста сцены, с учётом национальной психологии аудитории, для которой писал Ерошенко, по-иному расставляет акценты, открывает перед нами не только Ерошенко-рассказчика, сказочника, но Ерошенко-драматурга.

Василий Яковлевич увлекался театром. Сначала в России, а затем в Японии посещал спектакли, интересовался современной драматургией, общался с деятелями театрального мира; творческое сотрудничество и человеческая дружба связывали его с японским драматур-

гом Акита Удзяку. При этом, как отмечал актёр Сасаки Такамару, член литературно-театрального кружка «Земля», в заседаниях которого участвовал и Ерошенко, у молодого писателя из России было обострённое понимание реплик той или иной роли, то есть психологическое чутьё, которое помогало ему яснее, чем зрячим, «видеть» события на сцене.

Среди литературного наследия В.Я. Ерошенко особое место занимает сказочно-философская пьеса «Облако персикового цвета».

Театральный пафос, открытый драматический финал характерны для многих сказок писателя, что делает их привлекательными для инсценировки.

Наряду с этим, изучая творчество Ерошенко, необходимо говорить и об общих тенденциях в литературе начала XX века, о различных направлениях поэзии Серебряного века, с которым поэзия и проза нашего талантливого земляка имеет связь не только хронологическую, но органическую, неразрывную, обусловленную общей поэтикой.

Так, читая «Сердце орла», можно проводить параллели с творчеством, казалось бы, литературных антагонистов: К. Бальмонта и М. Горького. Приведём в качестве пояснения несколько цитат, тематически и символически близких орлиной песне из сказки В.Я. Ерошенко:

*Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведёт по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему,
Ярко стремимся мы в сне золотом.*

(К. Бальмонт. «Будем как Солнце!»)

*Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!*

(К. Бальмонт.

«Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце»)

«Люди должны быть светлыми и яркими... как солнце...» (М. Горький «Дети солнца»).

*Благословенно солнце –
Радостный источник жизни!
Благословенна работа –
Для красоты земли!*

(М. Горький. «Утро»)

Сюжет и пафос сказки «Сердце орла» вызывают у нас ассоциации с творчеством М. Горького, ассоциацию с его «Песнями», соединяющими патетику поэзии, притчевость изложения, психологический подтекст и социальный конфликт: *«Безумству храбрых поём мы славу! Безумство храбрых – вот мудрость жизни! О смелый Сокол! В бою с врагами истёк ты кровью... Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!»* (М. Горький. «Песня о Соколе»)

Однако у Горького Сокол лишь опосредованно связан с теми, для кого окажется важен пример его героизма и храбрости. Иное решение даёт Ерошенко, и оно ближе поступку другого горьковского героя, Данко: подвиг «Орлиных сердец» изначально посвящён людям. Жертвенность, верность идеалам, смелость сыновей охотника, воспитанных орлами, но гибнущих ради людей, даёт надежду их соплеменникам в самый тяжёлый час испытаний для жителей маленькой горной страны. Гуманизм Ерошенко оказывается выше революционных идей его времени. Трогательно и мужественно, вне пространства и времени, адресованные всему человечеству, звучат заключительные слова автора: «Прошу всех, кто прочитал этот рассказ, тоже помолиться о том, чтобы у всех, кто спасает мир, были «орлиные сердца».

Мы обозначили лишь несколько характерных особенностей поэтики В.Я. Ерошенко, но и они дают представление о том, сколь интересен, своеобразен, глубок мир автора, сколько нового он может дать внимательному читателю, и насколько увлекательным творческим процессом для учеников и для учителя может стать знакомство на уроках с произведениями писателя.

*«Сердце орла»
Т.В. Крылова. (акварель, тушь)*

Содержание

Б. Осыков

Слепой музыкант, путешественник и японский писатель4

Тесная клетка35

Страна Радуги48

Сердце орла54

Стручалина Г. В.

Методические подходы к изучению сказок В.Я. Ерошенко63

Литературно-художественное издание

Всё не напрасно!

Сказочный мир
Василия Ерошенко

Тех. редактор Г.В. Сытник
Корректор И.В. Камышанова

Подписано в печать 12.11.2015 г. Формат 60x84 1/8. Объем 9 п.л.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Бумага офсетная 120 г/м².
Тираж 1000 экз. Заказ 24123.

Издательство «КОНСТАНТА»
308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6

Отпечатано в типографии «КОНСТАНТА»
308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6. Тел./факс (4722) 300-720